

Алексей Ахматов

**Работа
с ЛЮБОВЬЮ**
избранное

Санкт-Петербург 2013

ББК 84

Р7

Алексей Ахматов. Работа с любовью: Стихи / – Санкт-Петербургское отделение Общероссийской общественной организации «Союз писателей России», 2013. – 260 с.

Издание выпущено при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации Санкт-Петербурга

В избранное петербургского поэта Алексея Ахматова вошли лучшие стихи из пяти книг: «Солнечное сплетение», «Камушки во рту», «Стрясение воздуха», «Воздушные коридоры» и последнего еще формирующегося сборника, то есть итог работы за треть века.

редакторы Елена Жабинковская,
Наталья Шумских и автор
корректор Олег Шабуня
оформление автора

ISBN 978-5-4380-0012-9

© **А. Ахматов, 2013 г.**

Из книги «СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ» 1989 г.

раздел «СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОКА»

Вещи

Мой быт, я знать иного не хочу.
Я знал иной, но я им сыт по горло,
Там аккуратно, словно в пачке сверла,
В серванте рюмочки и блюдец под свечу.

Там и паркет трещит, как тонкий наст,
И люстры скальпель зеркало буравит,
А здесь тетрадка маленькая правит,
Где строками измерен каждый час.

О, этот быт, где стол совсем не стол,
А две доски на ящиках фанерных.
Под ним не табуретка, а престол,
С которого все кажется безмерным.

А остальные вещи чередой
Должны по стенам судорожно жаться
И гнева моего должны бояться,
Бросаясь из окна вниз головой.

Трагедия должна быть только в том
Что поломался ножик перочинный
И карандаш мой с грифельной начинкой
Под корень съеден бритвой и листом.

Мне нужен угол и неяркий свет,
И, на худой конец, пойдет фломастер,
Я сам достойных дел достойный мастер,
А вещи - лишь неточный инструмент.

* * *

Поставил Баха. Сел на стул в углу,
Заставил тонкую, смертельную иглу
Скользить по адовым кругам канавок и бороздок.
И черный диск при тусклом свете дня
Лежал передо мной, как полынья,
А сам хорал, огромен и громоздок,
Уже летит, пространство накренья.

Я с Бахом был на «ты», как с Богом старовер,
И близок был, как ни с одним поэтом.
Побелка облетала, и при этом
Вытягивался на одной ноге торшер.

И оттепель по лужам кувырком,
Прозрачная в снегу сочилась лимфа,
Всем горлом, как орган, гудела шахта лифта,
И вечер брал свое за тюлевым окном.

До звона в барабанных перепонках
Гремел апрель под баховский мотив,
И комната качалась, обхватив
Висящие над столиком колонки.

Она боялась этого размаха,
Молила, тыкаясь в оконное стекло,
Чтобы на Себастьяна Баха
На миг успокоенье снизошло.

Старый художник

По центру зайдет или с краю
(Он чувствует, где перевес)
К холсту, как к переднему краю,
С палитрою наперевес.

Макнет свою беличью шпагу —
И в самое сердце укол.
Потом отойдет на три шага,
Растрян как будто и зол.

И снова укол за уколом,
И холст, и художник в крови.
Запущенная глаукома
Свет застит, мешает творить.

Но как пелена ни мешает,
Навряд ли сойдет он с поста.
Почти что на ощупь он знает
Холста болевые места.

Не хлеба насущного ради
Друг друга и мучат, и мнут
На старенькой светлой веранде
Без счета часов и минут.

Старик свою кисть промывает,
Глаза от усталости трет.
Он жить полотно заставляет
И сам только этим живет.

Портрет

Я был на выставке портретов,
Все лица, лица без конца.
И правилен в них выбор света,
И масло капало с лица.

А где белил недоставало,
Там грифель подводил итог.
Но мне чего-то не хватало,
Чего-то я найти не мог.

И вдруг легко и одиноко
На чистый лист острей ножа
С какой-то тайной подоплекой
Легли студеные глаза.

В них женская, земная сила,
Все сотрясая до основ,
Срывалась, маялась, сквозила
Сквозь зонтики ее зрачков.

Молчанье в залах. Пуха легче,
Плыла за окнами метель,
А здесь владела даром речи
Измученная акварель.

И я стоял, тем взглядом мечен,
Как вор, не чувствуя души.
Как этот образ человечен,
Как эти губы хороши.

Но я навек пред ней виновен,
Пред этой женщиной чужой.
Стою — глаза с глазами вровень...
И лист сияет белизной.

* * *

Шопен, разгул январской вьюги,
Столбов припорошенных трель.
От Гатчины до самой Луги
Метет вдоль посиневших рельс.

Какой буран — ресницы Вяя,
Какой чудной мороз на вкус.
Какая иглотерапия
И снега учащенный пульс.

Так осторожно по мембране
Постукивают пальцы в такт,
Лишь ложки звякают в стакане,
Когда проходит товарняк.

В сторожке стрелочника глухо
Хрипит приемник, люди спят,
И в самой горловине звука
Воронки снежные свистят.

Приемника разбито темя,
Но слышно в нем сквозь гам стрельбы
Импровизацию на темы
Шопена, вьюги и судьбы.

Но эти трое не опасны,
Пока мы не вошли в их круг,
Покуда сами не причастны
Горенью музыки и мук.

* * *

Из окон вид простой —
Клочки разбухших сосен,
И чистый снег несносен
Смертельной белизной.

С утра сидеть, читать
И вдруг, борясь с дремотой,
Понять, что умер кто-то,
А кто — не разгадать.

И тем полдня болеть,
Иметь все основанья
В свое существованье
Не верить и на треть.

Все снег тому виной,
И сосен ряд нестройный,
И воздух беспокойный
С сиреновой каймой.

Ах, как болит душа,
Уступчивая телу,
И рвется то и дело
Тем воздухом дышать...

Филармония

Органа старинные трубы
Гордые, как газыри,
Делят пространство на кубы,
Треугольники и пузыри

Эллипсов бестелесных,
Объемных прозрачных шаров,
Увязаны в воздухе тесно
Пучки еле видных штрихов.

Старушки под веками чертят
Циркулями чертежи,
Контурсы жизни и смерти,
Окружностей виражи.

Крепко вцепившись в кресла
Калькируют десять минут
Фигуры, старинные числа,
Что трубы до них донесут.

И после фуги нетленной
С последних рядов встает
Бах – геометр вселенной,
Чуткий чертежник ее.

Целикаури

Во дворике у Автандила,
Как настоящий винодав,
Сок сладкий девушка давила,
По бедра юбку закатав.

Она на ягодах плясала
И с темным соком заодно
Так ноги белые смешала,
Что стало белое вино.

Седобородые грузины
В такт подпевали вокруг нее.
Многоголосый хор в полсилы
Протяжно воспевал вино.

А под налипшим платьем глухо
Лишь грудь плескалась по груди.
Был теплый вечер легче пуха,
Сентябрь маячил впереди.

Ах, виноград, будь ты неладен,
Не оторваться, не схитрить.
И невозможно виноградин
От глаз воловьих отличить.

Мы через год у Автандила
Вино то пили на траве,
И девушка уже ходила
По голове, по голове.

Казалось, что она над нами
Смеется, виноград поправ,
Своими белыми ногами
Остатки разума смешав.

* * *

Классический образ — на лавочке кот,
Старушка в чепце и очках
Сжимает, как скипетр, шерсти моток
Во властных своих руках.

Моток не худеет, а кот все спит.
Чепец — как крыло мотылька.
Как символ тепла на веранде стоит
Граненый стакан молока.

И пеной картофельную ботву
Швыряет вперед и назад,
И яблоки с яблонь сгибают в траву
И лбами о землю стучат.

Состарились правнуки бабушки той,
Но сколько веков ни пройдет —
На старой картине моток шерстяной
Свершает один оборот.

Никто не пригубит стакан с молоком
И яблок с земли не возьмет.
Столетия старушка сидит над мотком
И дремлет на лавочке кот.

* * *

За стариком ходила глухота
И обрывала телефонный кабель.
Боялась скрипнуть пыльная тахта,
И медяки водопроводных капель,

Обернутые в вату с головой,
Весь день сводили счеты с кухней темной,
А коммуналка черною дырой
Прислушивалась к шороху из комнат.

На подоконнике цветы просили пить,
А под окном черемуха дымилась,
Альтернатива — жить или не жить —
Теряла смысл и к нулю сводилась.

Он смерил смерть, и в этой глухоте
Он рядом с нею встал почти что вровень.
Они варили завтрак на плите,
Высокий диалог их был бескровен.

Они друг друга постигали, в том
Была игра, и правила в ней были.
А глухота была проводником
И переводчиком старательным меж ними.

* * *

Пора бы подумать о Боге
(О сыне пока еще рано),
О том, что ветра за порогом
Сад лижут, как старую рану.

Он ноет ночами и плачет,
И вянет лопух лопухий.
И в лиственной этой раскачке
Пора бы подумать о духе,

О том, что гораздо важнее
Извечного спора о Боге.
И сад в этом самосожженье
Чернеет и рвется к дороге.

И листьями трогает землю,
И кронами ветхими стынет.
Иного теперь не приемлю —
Теперь надо думать о сыне.

Теперь не приемлю иного,
Мои пусть пробелы восполнит —
Домыслит о духе и боге,
Но после о сыне пусть вспомнит.

* * *

Грузили ветром паруса,
Втыкали мачты в небеса,
Интуитивно, как умели,
По звездам обходили мели.

И выдумали трех китов,
Основу всяческих основ,
Взвалили землю им на спину,
Нарисовали всех богов
И мироздания картину.

Вот так бы жить да поживать,
Про землю круглую не знать,
А знать, что бог за нас в ответе.
Что души вечны, как стихи,
Что наказуются грехи
Пусть хоть на том, на лучшем свете.

* * *

О, замолчи, проклятый Бах!
Мне больно, ты ополоумел
И что-то темное задумал
С игрушкой космоса в руках.

О, как ты страшен и ретив,
Закрой зияющую рану
Своих «Страстей по Иоанну»,
Уйми стальной речитатив.

Вот он сидит ко мне спиной
И тянет страшные аккорды,
Они связуют, словно хорда,
Мою судьбу с его судьбой.

* * *

Меня толкнет машина в бок. . .
И первое, что я увижу —
Небес чуть вогнутую нишу,
А после — белый потолок.

И, подавившись простыней,
Крахмальной, грубой, желтоватой,
Я буду чувствовать, как ватной
Меня обложит тишиной.

Навряд ли будет больно мне,
Когда слюда закаплет в трубке,
Шприц безболезненно, как в губке,
Ходы пробороздит извне.

Закурит молодой хирург,
Успевши малость поразмыслить.
И он не станет спешно мылить
Стерильных музыкальных рук.

Я не замечу, как я сдам.
И лишь зависнет сигарета,
Как стрекоза, меж пальцев мэтра
На полпути к его губам.

Меня толкнет машина в бок...

* * *

Вот женщина идет к реке
И держит мыльницу в руке,
В которой мыло бесконечно
Стучит о крышку, как сердечко.

Ты сколько хочешь, столько трать,
Как жизнь — перечить не посмеют.
Так только женщины умеют
Предметы легкие держать.

Так только женщина несет
Судьбу чужую на ладони,
Всегда готова к обороне,
Хоть в нападении живет.

Вот женщина идет к реке
И держит мыльницу в руке,
Самодостаточна, небрежна,
Не к берегу, не к побережью,
А вдоль по жизни налегке...
И держит мыльницу в руке.

* * *

На уровне тонкого среза
Стихии воздушной и вод
Сеансы электрофареза
Роскошное солнце дает.

Дает, а точнее, проводит,
Все впадины светом залив,
По кухоньке маленькой бродит
С окошком на Финский залив.

Пионы в воде, крошки сдобы,
Тетрадь на кухонном столе
И маленький сборник Толстобы
С претензией «жить на земле».

В нем тихо зима наполняет
Забывтый стакан молоком,
И автор по снегу гуляет
С продрогшим своим снегирем.

А тут, каждый час карауля,
Во всю несусветную прыть
Мальчишки незрелым июлем
Карманы стремятся набить.

О, как эти дни долгожданны
И долог полет этих дней!
На лоджии спят баклажаны,
Ждут участи кротко своей.

Гуляет в них божья коровка
И прячется сонная тля.
Прищепки кусают веревку
С досады, что нету белья.

Просыпано время, как просо,
И тысячи зерен в горсти.
Но как подозрительно просто
Даются и жизнь, и стихи.

Застиранный ситец залива
И берег, что мрачен и крив,
И воздух как синяя слива,
Готовый сорваться в залив.

Ведь счастье не длится так долго,
И чем мне прикажешь платить
Всю тяжесть безмерного долга
За право писать здесь и жить.

На улице

Напрочь стоптанные кеды,
Брюки — джинсовый покрой.
Превосходства и победы
Мягкий свет над головой.

Так легко она ступает,
А на теле молодом
Лишь футболка закипает
Под июльским ветерком.

И, подрагивая только,
Укрупненные соски
Пробивают гладь футболки,
Как асфальт насквозь ростки.

Заставляю сам себя
Не смотреть, не знать, не видеть,
Начинаю ненавидеть
Всю ее. Глаза слепя,

Мимо окон запыленных
Двигается, чуть кривит рот.
И зевак ошеломленных
Переходит гордо вброд.

* * *

Елене Жабинковской

Под Брестом август... и жара такая
Распластана над полем широко.
С холма березовая рощица, вскипая,
Сбегает вниз, как с плитки молоко.

Не стою я пленительного плена.
Ты легкая, как игры в бадминтон.
А имя круглое, как яблоко: Елена,
Троянка, белоруска или сон.

Нам два велосипеда как награда,
И линзы плоские сверкающих колес
Бросают зайчики на ветхие ограды.
Все выше солнце. В поле сенокос.

Стреножим под ветлой велосипеды
И, обойдя заросший водоем,
В овраге, как в прихожей, сбросим кеды
И в рощу белостенную войдем.

Ах, девочка, как милый лик твой светел.
Тебя не видеть, что себя карать.
Мне глаз твоих уже не избежать.
И роща белая тому свидетель.

Женщина

Она живет уж двадцать лет
Одна в двухкомнатной квартире,
На кухне из окна в обед
Следя, как за мишенью в тире,

За мужиками из пивной,
Которая почти напротив,
И на любого свой покой
Она уже сменить не против.

Но чтобы первый шаг... ни-ни!
Она другого воспитанья,
Что обрекает на закланье
Ее во имя тишины.

Все чисто в доме у нее,
Но в жизни вкус ее подводит:
Воланы, рюши на шитье,
А в мебели — смешенье моды.

Но что-то есть в ее душе
Непоправимое такое,
И сладенькое, как дюшес,
И в то же время болевое.

Она справляется вполне
С убогим правильным хозяйством
И с трогательнейшим зазнайством
Стирает, моет как бы вне

Той жизни, что, как говорится,
Бывает хуже во сто крат,
Но здесь не скрипнет половица,
Звонок не потрясет уклад.

А за глаза ее вороной
Зовут, хоть нет ее вины,
И макраме, как макароны,
В прихожей виснут со стены.

* * *

В мурашках кожа апельсина,
И елка прячет в рукавах
Цветные стружки серпантина,
Раскрученные в пух и прах.

И снова в Новый год играют
И жарят гуся на плите,
О старом годе знать не знают,
А стол несет на животе

Как лучший дар усадьбы панской
Упругих яблок монолит.
Зеленый колокол шампанского
Весь вечер вдребезги звонит.

Мой старый год, листком калины
Не улетай за перевал,
Не сделано и половины
Всего, что ты мне обещал.

А впрочем, что тут за упреки?
Всей правдой я тебе служил,
И, как ни странно, пережил
Тебя и все твои уроки.

* * *

Оглух не сразу Людвиг Ван Бетховен.
И слух его, тщедушен и бездомен,
Еще над головой, как нимб, витал.
Он подходил к роялю и, огромен,
Трость, как собака, крепко в зубы брал.

Он музыку как будто за стеной
Воспринимал коробкой черепной.

И не было божественней искусства,
И музыка рвалась из рук, когда
Мелодия сбегала с нот, как с гуся
Вода.

И так сидел великий и пропащий.
В зубах Бетховена срывалась трость на крик,
Как под высоким напряжением дрожащий,
Смертельно оголенный проводник.

Малейший звук в нем немота карала,
Молчанием рояль, как прорубь льдом, свела,
Но в нем Девятая симфония звучала
И непонятно чем еще жила!

Врубелевский пан

Июльский день идет на убыль,
Холст начинается с аза,
И кисти окунает Врубель
В полуоткрытые глаза.

И синеву переливает
На самое глазное дно,
Он это дело четко знает,
Он с демонами заодно.

Пан что-то про себя долдонит,
Разнять совсем не в силах век.
И грубая свирель с ладони
В четыре дула смотрит вверх.

Старик печаль свою пригубил,
И взгляд, как клавиша, запал.
Он либо пан, либо пропал,
Но здесь хозяин только Врубель.

ВИНА

I.

Пока, кряхтя, мы носим на горбах
Извечный крест вины перед другими,
Меж будущим и прошлым мы связными
Нить держим в цепенеющих руках.

Мы — той цепи нетленное звено
И всем за все обязаны на свете.
Как страшно знать, что должники мы, но
Страшней не быть ни перед кем в ответе.

Страшнее избежать долгов подчас,
Свободным быть до нищеты, до дури.
Но нас вина спасает, как балласт
Спасает корабли во время бури.

II.

Я помню дом стареющий с крыльцом,
Перила, что просверлены жуками,
И дым костра, пропахший чебрецом,
Бродил в саду под вишнями кругами.

Смотрели мимо сада сыновья
И внуки взрослые. Вокруг меня без счета
Стопились молча правнуки, а я
Стоял как точка этого отсчета.

Я знал, что не в чем им меня винить,
Что я уже пред ними не в ответе.
Но не о чем нам было говорить,
И было то страшней всего на свете.

Раздел второй: “ПРЕВЫШЕ МУЗЫКИ”

* * *

Всю жизнь не жить и не дышать,
А лишь записывать в тетрадь,
Не поспевая за эпохой.
И хорошо ли или плохо,
А все писать, писать, писать.

Ходить бесшумно за собой,
Не спать, как пес сторожевой,
И быть пронырливее вора,
Но вдруг почуять, что уже
Из-под бессменного надзора
Не вырваться к своей душе.

А дерево ни разу в жизни
Не думало о смысле жизни
И вот уже второй этаж
Берет листвой на абордаж.

Стих

И тугоплавко слово, и смысл угловат,
Никак ему не втиснуться в размеры,
Но тем дороже он других стихов сто крат,
Когда всю плоть его шатает жизнь без меры.

Когда в нем тайна есть и черная вода
И он диктует нам законы и порядки,
Когда стих сам судья себе и всем, когда
Одной строфой словарь уложен на лопатки.

Когда прямая речь умышленно тиха,
Но в ней второе дно бунтует и клокочет,
Артериальное давление стиха
Вдруг распирает стенки тонких строчек.

И разве же стихи «на радость вам и мне»?
Стихи на бедствие, они почти на пытку,
На боль и на последнюю попытку,
На право умереть и жить вдвойне.

* * *

Мне надлежит и жить, и умереть,
И знать об этом, и забыть об этом.
Три сотни строк закончить этим летом
И осенью в конце переболеть.

Решетка. Сад. Вхожу, как в дом, в него,
А тополиный запах смешан с ветром,
Как кофе с молоком, и метр за метром
Так жизнь идет... И больше ничего...

* * *

На обмолот мы возим слово
И мелем словеса в муку,
Все остальное — лишь полова,
Рассыпавшаяся в труху.

Наш хлеб едят и крепнут духом,
Слова, как крошки, берегут.
А зависть, беды, заваруха
На мельницу нам воду льют.

* * *

памяти Геннадия Алексеева

Шрифты набирают наборщики
И гарт из печи достают.
Поэт умирает, а сборники
Еще на земле издают.

Так письма солдата погибшего,
Поправ похоронку, идут
Сквозь грохоты фронта осипшего
Домой, где их все-таки ждут.

* * *

Как трудно в чаду и неволе
Тщедушной работы своей
Ничьей не завидовать доле,
Быть всех искушений сильней.

Сознательно стать безголовым,
О всех мелочах забывать.
Всю жизнь работать над словом,
А в жизни двух слов не связать.

Высокий урок подражания
Признать за тягчайший порок,
Все силы убить на исканья,
Но вышколить душу и слог.

Так нужно работать, доколе
Пульс бьется надсадно в тебе.
Ничьей не завидовать доле,
Ни к чьей не клониться судьбе.

* * *

Писать как жить, не думать ни о чем,
Сводить все к рифмам, столь же неизбежным,
Как ветер, дождь, клюющий все прилежней
Намокший гравий за моим окном.

Гордиева узла не разрубать,
А ждать развязки произвольной строчек,
Творя свой день так скрупулезно, точно
Не день живешь, а пишешь рубайят.

Но эта скрупулезность не трудна,
Она извне, она во всем подспудно,
И кажется, что слово неподсудно,
Хотя на самом деле ждет суда.

Мне перемена к лучшему видна,
Стихает дождь, его такая малость,
И разве только капля задержалась
На самом донце моего окна.

Как серые прищепки, воробьи
На бельевых веревках небо сушат.
Мне остается жизнь писать и слушать
И день отделывать, как рубаи.

* * *

Четвероногая строфа
Больна, расхлябана, бездомна,
Но в ней заложена нескромно
Моей походочки черта.

И поздно что-либо менять,
А хочется, чтоб эти строчки
Таили свет под оболочкой.
О господи, прости меня!

Кувшин

Арсению Тарковскому

...И кружится кувшин, встав на гончарный круг,
И горлышком сверлит недвижимый воздух.
Не просто лепится, растет из наших рук,
Как деревце, но он еще не создан.

Кувшин толстеет, раскрывает рот,
Винтом идет, разглаживает кожу
И вносит каждый новый оборот
Свои поправки и детали множит.

На грани, где еще ни жизнь, ни смерть,
Он мягким брюшком продолжает литься,
Пока гончар скрипучий круг вертеть
Не перестанет и кувшин сушиться

Не сунет в печь, а там кувшин узнает —
Без муки совершенства не бывает.

* * *

Аист, что ангел, взлетел в небеса.
Утро пахучее, словно корица.
Кажется, если закрою глаза,
Если такое все же случится,

Ляжет на все неизведанный свет,
Мне уже будет сюда не вернуться.
Веткой черкнет по земле бересклет,
Вербы не дышат и не шелохнутся.

Тихо, и слышно, как, ствол теребя,
Рвется ошпаренный лист пятипалый.
Тихо настолько, что можно в себя
Камнем упасть с высоты небывалой.

Утро, просеянное сквозь опал,
Все непонятней, светлей и дороже.
Вспомню, что ночью сегодня читал:
Кушнер, Самойлов, Шкляревский, а все же

Все об одном — о бессмертье души,
О механизме ее совершенном.
Утром на улице нет ни души.
Воздух взбивая крылом белопенным,

Аист, как маленький ангел, взлетел,
Красные ноги торчат из рубашки.
Запах сушеного клевера, кашки,
И у забора хромой чистотел.

* * *

Размеров правильных немного, не считай,
Сравню их с плаваньем, с рассудочною волей.
Подвижный ямб могуч, как баттерфляй,
А дактилем писать, что плыть свободно кролем.

От ритмов строгих и наклона головы
Уже, как у пловца, устали руки, плечи.
Немного способов у нас, увы,
Держаться на воде российской речи.

Не пропустить стопы, не разомкнуть звена,
Размерен каждый вздох
и каждый взмах гребельный.
Не монотонность гибкая страшна,
А страшен прозы хаос беспредельный.

Раздел третий «ДЕТСКАЯ ТЕТРАДЬ»

* * *

Лето кончилось, пузатый паучок.
Ветер продувает паутину.
Муха не клюет на твой крючок,
Облетая стылую рябину,

Выбрал ты тяжелый крест на спину,
Так теперь носи его, мой друг.
Лес продрогший подхватил ангину,
Кашляет ольха и гнется в лук.

Побледнел и выцвел мокрый луг.
Солнце заржавело в непогоде.
Паутину сматывай, паук!
Где твой спиннинг? Август на исходе.

Комар

Татьяне Ливановой

Комар — превосходный геолог,
Бурильщик на три миллиметра.
Как пеленг, звучит его голос
С другого конца континента.

Но как ты пробрался сквозь марлю?
Что делаешь ты? как ты смеешь?
Спляши-ка мне лучше камаринского,
Наверно, ты это умеешь.

Отлично ты знаешь науку
Отыскивать полные вены.
Как дятел, присел мне на руку,
Готовый долбить вдохновенно.

Ты шпагой махаешь картинно
И кровью желаешь напиться,
Ты в профиль почти Буратино,
Смешно мне твое любопытство!

Ах, глупая удаль комарья,
Не пей из меня, ты же знаешь —
Дурна моя кровь и коварна,
Напьешься — козленочком станешь.

Гимн вороне

Ворона — городской орел,
Наместник неба на асфальте,
Некоронованный король,
Кружащийся в пернатом вальсе.

Внезапна, словно летний дождь
Или удачная атака.
Клюв нержавеющей как гвоздь,
А крылья словно фалды фрака.

Ах, птица, слесарь-дирижер,
Профессия не из простейших.
Главнейшая среди обжор,
Но и летун наипервейший.

Домашних кошек лютый враг,
Друг галок по пирам, попойкам.
Двухцветный, серо-черный флаг
Разгуливает по помойкам!

* * *

В Теплом Стане бор сосновый.
Резкий запах канифоли.
Параллельно новостройкам
в небо падают стволы.

На стволах смола, сгущаясь,
образует накипь соли,
Воздух сквозь хвою протянут,
словно нить в ушко иглы.

Мальчик режет гриб червивый,
полосует шляпку косо
И идет по мху сухому,
не оглянется назад.

Никогда ты не вернешься
в этот лес и к этим соснам,
Ты уедешь к черту в зубы,
прямо в юность, в Ленинград.

* * *

Утром лужи подмерзли и от снега рябого бело.
Снег бежит все быстрее и на пятки уже наступает.
Мать выходит во двор и фарфоровое белье
С задубевшей веревки снимает.

Раздвигает прищепки со стуком,
прищуривши глаз,
Будто что-то на счетах считает.
Дикой яблони стынет пустой деревянный каркас,
Птицы сбиваются в молчаливые стаи.

Дни такие большие идут, как года,
Сад белилами цинковыми плотно покрашен.
Ветки тихо постукивают на стыках, как поезда,
И уносятся в небо, набитое снежной кашей.

Чуть дымятся на кухне оладьи,
и окно отразилось на хлебном ноже,
И нахохлился кактус в коробочке из-под мыла.
Мать заносит белье на ледяную веранду,
а сзади уже
Снег впивается в крашенные перила.

Бабушка болеет

Бабушку мучает кашель —
Это плохая примета.
Стол у окна приукрашен
Веточками бересклета.

Ягодки четырехгранные
Виснут отдельно и вместе.
Горло прочистив заранее,
Бабушка вспомнит о детстве.

Она мне расскажет о детстве,
Что родом она из Хорола.
В комнате некуда деться
От запаха корвалола.

Мы простыню перестелем,
О жизни нашей толкуя.
Ангела с белой постели
Вдруг незаметно вспугну я.

Долго он будет кружиться
После того, как я выйду.
Бабушке даст напиток,
Робкий и тихий с виду.

Не зажигая света,
Сядет на край кровати,
С веточкой бересклета
В детских руках синеватых.

ДВА ПОРТРЕТА

I.

Вот и выпал первый снег,
А за ним второй и третий.
Бледных сумерек набег,
Хлопьев жидких плети, плети.

Мой Североморск ночной,
Плотно сомкнутые веки.
Город детства неродной,
Я твой пасынок навеки.

Вот пятиэтажный дом,
Где зима, как будто ранка,
Затянулась белым швом.
Встанет мама спозаранку.

Макарон вчерашних тлен,
Киснут в банке абрикосы,
Косы, косы до колен,
Полчаса уйдет на косы.

Зябко выпорхнет в восьмом
Из парадного на ветер.
До автобуса бегом,
Даже снега не заметит.

На работе стылый чай.
Пол скрипит библиотечный.
Где платок? Замерзла, чай.
Суета и морок вечный.

От угла и до угла
Книги, книги — нет ни метра.
Жизнь уже почти прошла
Средь шкафов Гидрометцентра.

Где твой призрачный филфак
И мануйловский учебник?
Памяти неровный шаг.
Первый снег как свет лечебный.

II.

Я свинья! Меня не будет дома
Ночь, а может, две — она простит...
Перед ней Нагибина два тома.
Бабушка не спит.

Тихо говорит сама с собою.
Каждой ночью рядом нужен ей
Термос, чтобы теплою водою
Запивать звонки моих друзей.

Тяжела ты, бабушкина доля,
Только мне на голове хоть кол...
Как шуруп, таблетка валидола
Вкручена по шляпку в стол.

* * *

В сыне моем прорастают слова,
Весь арсенал человеческих звуков.
Тянутся, как молодая трава,
Связанные круговую порукой.

Так неизбежно за «эм» будет «ы»,
Все звуки «эль» плавно в «эр» воплотятся,
Как водомерки на глади воды,
Буквы бегут, замирают, кружатся.

В сыне моем прорастают слова,
Режутся трудно, как первые зубы.
Это пока еще только канва,
Речи основа сквозь детские губы.

Чисто физически, кажется мне,
Нервно, толчками, снова и снова
В сыне моем просыпается слово,
Чутко корнями поводит во тьме.

Раздел четвертый: “ПЕЙЗАЖИ”

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

I.

Осень сохнет и желтеет
По пергаментным краям,
Что ни день, то свет мелеет,
Обрываясь тут и там.

В этих рощах раскаленных
Звон ледка как стук подков,
И расседланные клены
Спят без певчих седоков.

II.

Дым от выцветших костров,
Чуть размытый, как на фреске,
Перелез за перелески,
А от листьев и кустов

Запах резкий и нагой,
Длинный день идет как пишет,
Ничего уже не слышит,
Кроме хруста под ногой.

Это я ни в зуб ногой,
И ни слова, ни полслова
Мне не выговорить, словно
Я слепой или немой.

И шагами лес дробя,
Я прошу еще хоть строчку
Как уступку, как отсрочку
От неверия в себя.

Горизонта блекнет нить.
В эту пору, в эти страсти
Что же это за напасти -
Видеть и не говорить.

III.

До корней замерзший, крайне
Занемог ноябрьский лес,
Словно спицы без колес —
Веток быстрое мельканье.

В них лишь галочки заставы
Целый день твердят устав.
Анатомия кустов —
Сухожилия, суставы.

Лес скрипит, разбит, заезжен,
Как старинный граммофон,
Луж хрустящий целлофан,
Луч сквозь кроны лип процежен.

Ветер ветрен и небрежен,
Подхватив с дороги лист,
Тянет дальше в темный лес,
И декабрь неизбежен.

IV.

А зима совсем иная,
Когда луч падет на снег,
Словно чашка костяная,
Розоватая на свет.

Но деревьям света мало,
Тянет ветви зимний лес
Трещинками по эмали
Облупившихся небес.

С каждым часом все быстрее
Тень растет, как снежный ком,
Лишь когда совсем стемнеет,
Сдвинув небо под углом,

Хлопьев белые страницы
Полетят, себя продев
Сквозь седые вереницы
Плотно сомкнутых дерев.

V.

Воздух мягкий и сырой,
Как рубашка из фланели.
Две февральские недели
Отлетели, с плеч долой.

С плеч долой зимы уют,
Скоро март расправит клювы,
Птицы в тусклых пятнах клюквы
У порога снег клюют.

Гирьки красных снегирей
На весах шальной природы
Перевешивают вроде
Груз опальных зимних дней.

Остаются за спиной,
Словно белые качели,
Две февральские недели,
Воздух мягкий... снег сырой...

Вариация

Мороз и солнце...

А. С. Пушкин

Как долго ты спишь в этом доме,
И дом потекает тебе.
Ты в нем, как на старом пароме,
Плывешь, покорившись судьбе.

Я утром сойду осторожно
С крыльца, где, по пояс в снегу,
Столбам устоять невозможно
На низеньком берегу.

Там в шахматы тени играют —
Азартный, стремительный блиц.
И в теле дерев застревают
Осколки стозвонных синиц.

Кусты, что усы тараканьи,
Прощупывают тонкий наст.
И ложечкой о подстаканник
Бьет солнце о ледный пласт.

Позвякивает, увлекшись,
Ведь за ночь на чуткой реке
Тончайший ледок запекся,
Как пенка на молоке.

А рядом, не замерзая,
Течет деревянной рекой,
С озябших высот ниспадая,
Боярышник вниз головой.

Бегут деревянные струйки
По контурной карте небес.
В волнении черные руки
Заламывает близкий лес.

А ты еще спишь в этом доме,
Где запах травы и блинов,
Где лыжные палки в истоме
Штандартами зимних полков

Пучком расцветают в прихожей,
Вставай, друг прелестный, пора.
Я чувствую всей своей кожей,
Какая настала пора.

Какие поляны разлиты,
Снежок — не дай бог не примни,
Но белыми нитками шиты
Уловки и петли лыжни.

Вставай состязаться с природой
В умении видеть, пока
Наш день ослепительной содой
Свои начищает бока.

Ленинградская весна

Набито небо ватой,
На сыр похожий снег
Всей массой ноздреватой
Почти сошел на нет.

Все правды подноготные
Раскрылись под ногой,
Там листья прошлогодние,
Как будто чай спитой.

Прозрачных льдинок блюдца
Разбились по садам,
И есть где развернуться
Прожорливым грачам.

Они газоны лечат
Пинцетами носов
И дворникам перечат
На сотни голосов.

И деревьям пора бы
Зазеленеть, ан нет:
Застывшие параболы,
Подобия антенн.

Древесная акустика
Вонзилась в небосклон,
И только ивы кустик
Из кожи лезет вон.

Взрывая лед железный,
Уходит от зимы.
А слякоть так любезно
Неве дает займы.

Весна стоит в оборках,
Обманчиво кротка.
Остра, как поговорка,
И так же коротка.

* * *

С утра еще февраль, ни дать ни взять,
Босые прыгают вороны у калитки,
Но вот уже апрель приходит, чтоб начать
С природой разговор равновеликий.

Еще февраль господствует с утра,
Но полдень жметя к дому, чуть не плача.
Капель, как лютневая музыка, стара
Подобно ей — она, почти прозрачна.

И воздух набухает тяжело.
И снова пахнет мякотью арбузной.
И вечер, накренившись на крыло,
С размаху падает на крыши грузно.

Таврический парк на просушке ранней весной

Вечером парк как поверье,
Теплого ветра прыжки.
Ошеломленных деревьев
Прочерки, жесты, шажки.

Парка звучит пантомима
В тысячи голосов.
Сильная музыка зрима
Веток, корней и стволов.

Скрипки минуя и тубу,
Ноты читая с листа,
Можно сквозь лиственниц группу
Голос услышать куста.

Соло берез акварельных,
Парк за оградой творит,
Музыкой неподдельной
На пять линеек разбит.

На пять волшебных линеек.
На семь божественных нот.
Позы согбленных скамеек
И вдохновения пот.

* * *

На солнце выгоревший день,
И клен готов стараться.
Он тень наводит на плетень
И на кусты акаций.

А тополя прямых прямей,
Их молодая смена,
Как ноги белые лосей,
В известке по колено.

Еще до пуха далеко
И далеко до лета,
Но как-то держится легко
Все равновесье это.

И вот сейчас на полпути
Мне вдруг понятно стало,
Что все же, как там ни крути,
А сделано немало.

И что зима не бог весть как
Смешала наши карты.
Наступит лето, это факт,
Приедут квартиранты.

И мы вкопаем столик здесь,
И пустим чай по кругу,
И будет втянут вечер весь
Лишь в эту центрифугу.

Типично майский поворот
В раздумьях, в скрипе дачи.
И солнце переходит вброд
Безоблачные дали.

* * *

У сиреновой сирени
Стеариновый опływ.
Наступает воскресенье,
Душу мне разбередив.

Куст покрыт гусиной кожей
И в росинках по краям,
Здесь поможет только ножик
Перегруженным ветвям.

А цветы тяжеловесны,
Куст, как снегом, замели.
Им с утра такие мессы
Служат толстые шмели!

Мягкий низкий гуд органнй
Трепетно к земле пригнут
И натянут, словно жгут.
У сирени утром ранним

Гроздья жутко велики,
Голубой нездешней крови,
Все на свете лепестки
Отпирает ключ басовый.

В синей накипи сады,
От сирени нет спасенья,
Наступает воскресенье,
Душу мне разбередив.

Огород

Снимая у старушки угол
С косым окном на огород,
Я часто пялился на пугал,
На волны грядок у дорог.

Там так лениво и со вкусом
Большая репа, словно сом,
На глубине поводит усом
В скучнейшем обществе своем.

Моркови красные пробирки
Сидят по горлышко в земле.
Все овощи, как звери в цирке,
На вид ухожены вполне.

Тут вышколенная культура,
Там выхолощенный народ,
И правильная кукуруза,
И дрессированный укроп.

Они могли ходить кругами,
И прямо, и вниз головой,
Жонглировать весь день жуками
Над раздобревшю ботвой.

Хозяйке старенькой в угоду
Все по линейке в ряд стоят.
Лишь сорняки здесь за свободу
Одни и могут постоять.

Им надерут за это уши.
По ржавой гильзе клоп бежит.
Она, землю захлебнувшись,
С боев прошедших здесь лежит.

* * *

Друг сказал, опершись о плечо:
«Что ты маешься целое лето?
Посмотри, сколько воли и света,
Ну чего тебе надо еще?»

Тихо пахло травой от земли.
Сели мы, на себе ощущая,
Как, совсем без движенья свисая,
Ветки ив над водой затекли.

Мы сидели и не говорили.
Дятел вышел в четвертом часу.
Постучался три раза в сосну,
И ему там стремглав отворили.

* * *

Весь сад освистан и осмеян
(Как влажным пальцем по стеклу),
Из птичьих глоток хрупко склеен,
И катит утро по селу.

С ветвей сбивая бегло воду,
Прочистив горло натошак,
Скворцы рассасывают воздух
И сад, как семечки, лущат.

А сон, просеянный сквозь сито
Их шелканья, парит легко,
Но с явью неразрывно слито
Существование его.

Двое на эстонском пляже
(Зарисовка)

Расположили на песке
Две кружки, термос в рюкзаке.
На ней косынку ветер треплет.
Смеется от веселых реплик.

Кусает камушки залив.
Они сидят под желтым тентом
На латаном куске брезента,
В блаженстве руки заломив.

Они ленивы, словно боги.
Он малость строг, она стройна.
«Да у тебя в мурашках ноги,
Замерзла, милая? Айда!»

О, как прекрасен их союз!
Король и дама, рядом туз.
Колода красных мятых карт,
Они играют в дурака.

Король пьет морс и щиплет лацкан,
А дама бубен в бубен бьет.
Король не может оторваться,
Все пьет, и пьет, и пьет, и пьет.

Холодный сморщенный омлет
В песке на старенькой газете.
А у нее в руках валет,
Он ей милее всех на свете.

Да и валет в нее влюблен.
Корнет, задира, он смешон.

Умрет сейчас же за нее
И, как на амбразуру, ляжет.
Его душа легко вздохнет
И полетит над голым пляжем.

Потом авоську под уздцы,
Рюкзак на спину, леденцы
Последние за щеку прячут,
Целуются и чуть не плачут,

И синий-синий воздух пьют,
Смеются, вдоль воды бегут,

Пока их тент не станет точкой.
В динамике плывет Шопен.
И волны белыми платочками
Их провожают до шоссе.

Рисунок

Сангиной сделанный рисунок
Меня остановил в прихожей.
Там клен под темно-красной кожей
Вытягивал венозно ветки.

Внезапно слуховым оконцем
Пейзаж в стене зажегся светом.
Но не разбить стекла при этом
И не дотронуться до клена.

А он слагался постепенно
Из красных капель неподвижных.
И это было непостижно...
Недостижимо... Невозможно...

* * *

Деревья выкрашены хной,
Но им все хоть бы хны.
Качают рыжей головой,
Бесстрашия полны.

Они бросают свой балласт,
Но не бегут беды.
И листья как следы от ласт
На плоскости воды.

Когда ж декабрь возьмет дуду,
Не угадать со сна —
То ль осень поздняя в саду,
То ль ранняя весна.

Не надо время укорять
За тот обман простой,
Ведь крайности, как говорят,
Соседствуют порой.

* * *

...А первый снег, колючий, мелкий,
Косил ряды кривых столбов
И в первой этой перестрелке
Терял ряды своих полков.

Но ниже звезд и выше снега
Летели утки в высоте
Над опустевшею Онегой,
Где олово блестит в воде.

На юг шли утки косяками,
Суровой ниткою стальной
Они старательно сшивали
Два континента меж собой.

Они надсадно драли глотки,
Касаясь крыльями луны,
А мы вытаскивали лодки
На ледяные валуны,

Смотря чуть видным уткам вслед
И с ватников сбивая снег.

* * *

Давиду Самойлову

Голый сад. Голоса
Бродят в сутолоке веток.
Голоса как полоса,
За которой нет ответа.

Жизни, промахи, дела
В интерьере мерзлых яблонь.
Прогоревший день дотла,
Побелевшая зола.
Светлый вечер новоявлен.

Птицам черствый хлеб кроша,
Говорим о тех и этих.
Боязливо, не дыша
Канет час, мы не заметим.

Канет камушком в приют
Умирающего света,
И легко круги пойдут,
И легко исчезнут где-то.

Собеседник тих и стар.
Диалог почти напрасен.
Ото рта неспешный пар
Отрывается и гаснет.

Из книги “КАМУШКИ ВО РТУ” 1993 г.

Раздел первый «ГОТОВАЛЬНЯ СУДЬБЫ»

* * *

Прислушайся, какое слово — “жить”.
Как звукам удастся в нем сложить
Макет перипетий и перепутий,
Сюжет, где в узелок связалась нить,
Кроссворд, что нам вовеки не решить,
Не прибегая к помощи созвучий.

Стихам дано понять за суетой
Все, что слова скрывают под полой.
В знак, что решенье сходится с ответом
Кивает рифма парной головой.
Поэт за то ответит головой,
Хотя ему не надо знать об этом.

Фехтовальщики

Он весь замедлен, весь рапидо,
И сущность тонкая его
На остром кончике рапиры
Сосредоточена легко.

Его партнер продолжит смело
Им заготовленный прием.
И вот они танцуют в белом.
Одну судьбу деля вдвоем.

Исполненные плавной силы,
Раскланиваясь меж собой,
Совсем как лебеди, скрестили
Две гибких шеи над водой.

Под перестук свистящей стали,
Уже почти как силлогизм,
Они со стороны являли
Один единый организм.

* * *

Все мои униженья навек остаются во мне.
Все гнездятся в груди, копошатся,
скребутся, а ночью
Пожирают меня, и личинок плодят в тишине,
И адамово яблоко острой иглою щекочут.

Все мои униженья во мне остаются навек.
Хуже дизентерии, всех палок кишечных и точек.
Я изъеден ходами, и я уже не человек.
Я их мягких и бледненьких телец
носитель, разносчик.

Все мои униженья со мною, при мне, у меня.
Я в любую минуту могу в них по локти зарыться.
Только глубже вздохну —
и возни их уже не унять.

Лишь копну —
и уже от тоски беспредельной не скрыться.

Деревянные духовые

Они пусты, в них воздух не живет,
В них вакуум, когда на них играют.
Содержит в легких тоненький фагот
Лишь дух один, когда в него вдыхают.

Лишь дух один витает в духовых,
Он, как вода, их принимает формы,
Сквозь клапаны просачиваясь их,
В кларнетах застревая узкогорлых.

Пространство трубчатое тростниковых флейт,
Их колбы певчие, сосуды, капилляры
Как будто начертил и вывел Клейн —
Так точно все. Насколько же вульгарны

На этом фоне медные, их звон.
Закрученной валторны катакомбы.
Тромбоны образуют в зале тромбы
В подвижном воздухе. И несколько смешон

Протяжный монолог тяжелой тубы
И глас трубы, крикливый и нагой.
Они немного внешни, даже грубы,
Они стоят и слушают гурьбой,
Когда над всеми царствует гобой.

Часы

Часы идут, как броневик.
Их корпус противоударный,
Зубцы, колеса, маховик,
Болты, пружины и тараны

Любой фантазии страшней.
Их ненасытность непомерна.
Тринадцать бешеных камней
В них перемальывают время.

Они века крошат, как час,
И, окольцовывая руки,
Мы узнаем в них каждый раз
Простейший принцип мясорубки.

Колеса друг на друга прут.
И бронированное брюхо
Само себя когда-нибудь
Пожрет, постукивая глухо.

* * *

Авиатор сидит в чебуречной, страшнее войны,
Пьет алжирский бальзам,
надирается тупо и мрачно.
До закрытья пятнадцать минут,
и окошки на площадь черны.
Вот кассирша пятак обронила,
под кассу ползет на карачках.

Ее толстые ляжки, зарешеченные в чулки,
Привлекают на миг старика, что жует полсосиски.
Орган свой детородный
он с большим бы ел аппетитом. Низки
Потолки, словно нравы.
Как лучше, низки или низки?

Впрочем, мне все равно.
Вот со стойки снимают весы.
Повар детям кричит:
“Собирайтесь домой, мои крошки!”
Бабка стол вытирает, выдавшие виды трусы
Приспособив под тряпку,
сметать макароны и крошки.

* * *

Дал течь аквариум, но жители его
Еще о том не знали ничего,

А если даже знали, то молчали,
Как это рыбам свойственно. Вначале

Едва заметно... Так же кошелек
Пустеет: рупь, полтинник, пятак.

Вот к щели притянуло меченосца —
Известного всем самкам рогносца.

И он своим бордовым животом
Заткнул пробойну на время, но потом

Щель разошлась побольше. Стало тесно.
Все меньше оставалось рыбам места,

На них давил хрустальный потолок,
Что опускал серебряный шнурок,

Сочащийся меж стекол на подставке,
Но даже самой маленькой козявке

Стыд не позволил бы паниковать.
И жизнь текла размеренно, как прежде.
И, что у них отсутствует надежда.
По виду было их не угадать.

Вода ушла, а через две недели
Хозяева из Крыма прилетели.

И... посмотрев на все поверх очков,
Наутро в зоомагазин сходили,
Купили гирардинусов, пецилий,
Данио, барбусов, неонов, светлячков.

* * *

Что тайна бытия сокрыта,
Напомнить мне не преминет
И зацветающая липа,
И засыхающий осот.

Но иногда сквозь птичье пенье
Внезапно ощущаю я —
И то лишь на одно мгновенье —
Безмерный смысл бытия.

И чувствую, что в слово можно
Предельно воплотить уже
То, что безмолвно и неточно
Всегда мерещилось душе.

* * *

Где был затон с осокою, там дом
Стоит, вокруг кварталом обрастая.
Где ил кусал карасик мягким ртом,
Там налетела новостроек стая.

Приятно жить здесь, по утрам свистя.
Но я напомним — этот рай бетонный
И каждый дом построен на костях
Лягушек меднокожих и тритонов.

Асфальт

Под свежей корочкой асфальта
Земли пространства велики.
Там говорят на эсперанто
Подслеповатые жуки.

Там томно царствуют бациллы
И астеничные глисты.
Кривые черви, словно вилы,
Несут раздвоенно хвосты.

Набрав в трахеи кислорода,
Они — как жемчуга ловцы,
Но им не нужно дна и брода.
И в землю спрятаны концы.

И вот, покуда бурят норы.
Еще не чувствуют они
Беды. Но всех их очень скоро
Асфальт накроет со спины.

Удушье в их слепой отчизне
Из них наделает гробниц.
Последними уйдут из жизни
Шары мохеровых грибниц.

И лишь корней мускулатура
Еще лет пять, за годом год
Надсадно, безнадежно, хмуρο
Проламывает черный лед.

из цикла “ХЕРСОНЕС”

I.

Медузы жидкое стекло,
Актиний злые хризантемы,
Системы, усики, антенны,
Плавник, и лапа, и весло...

Фламандский натюрморт беднее,
Да что там, право, натюрморт,
В сравненьи с морем он — компот
Из сухофруктов. Тем не мене

В воде нет хаоса, и мне
Протяжных волн простые игры
Напомнят быстрой сменой титры.
И та же логика на дне:

Все движется в своем порядке.
И наподобье ярких глыб
Кочуют сонмы сонных рыб.
Конек, точь в точь морской параграф,

Проворно скачет под скалой.
В глубинах звезды гаснут роем.
Грохочет перебой прибоя,
Все превращая в гул и вой.

А море грубо, суверенно,
Но терпит варварство сетей,
На стол к нам шлет своих детей
Из года в год,
как дань, примерно.

II.

Эвксинский понт. И мы проходим с понтом
Вдоль кромки моря, взяв на абордаж
Девиц, что покидают дикий пляж
Последними. Туман над горизонтом.

И мидии шуршат по валунам.
Когда откатывают волны. Море злится.
Тут греков зачеркнули византийцы,
Что видно по истлевшим черепкам.

А впрочем, на одной здесь глубине
Находят пацаны, измазав лица,
Зерно турецких нуль и пули фрицев,
Так перетасовалось все в земле.

И небо гладкое уже почти померкло.
По звездам отцентрован кипарис,
Просыпан горсткой Херсонес, как рис.
По берегу всему неравномерно.

И мы идем, вступая в перепалку
Друг с другом. Тень полочется у ног.
И море, словно фрезерный станок,
Вращается, обтачивая гальку.

Но сам процесс не разглядеть за мраком.
И, не опровергая перспектив,
О нас свои иголки затупив,
Сошлись лучи всех маяков и знаков.

III.

Хруст гальки и волны. Полифоничен грохот
На всех октавах. Плотный воздух пьян.
Меха растягивает море, как баян.
Поблескивает клапанами город

Вдоль побережья в три ряда. И чайка
Кричит, но в грохоте не слышно ни черта.
И, как судьба, намечена черта
Оставшегося под водой причала.

IV. Херсонес

С тоскою Робинзона Крузо
Смотреть, как крошится волна.
Сиреневый кристалл медузы
На скользком блюде валуна

Как зеркальце, и в нем мигают
Два маяка, что вдалеке.
Мочалки водорослей тают,
А крабы лапой на песке

Доказывают теоремы.
И волны чередую спин,
Как греков гордые триеры,
Идут на старый равелин.

Блуждает солнце коридором
Чугунных туч. Пора домой.
И небо тяжело спорит с морем,
Макнув в него свой грунт сырой.

Пора домой. Закат все ниже,
Кузнечики снуют везде.
Весь Херсонес как маслом брызжет
И скачет на сковороде.

Домой. Яиц три штуки надо
В долг у соседки попросить
И скорлупы вдруг ощутить
С базиликой и колоннадой
Помимо воли связей нить.

* * *

Дуб, словно болт, в ландшафт холодный ввинчен.
Нарезка сорвана, разболтана кора.
Не кара божия, осенняя пора
Надвинулась, но лес еще статичен.

Механика природы так проста.
Прозрачный механизм предельно точен.
Тяжелый лес как будто обесточен.
Трудней дышать. Под сердцем пустота.

Кусты, как геометрия Евклида —
Так больно видеть линий наготу,
И больше жить уже не вмоготу,
И листья остро пахнут суицидом.

Еще хоть год, хоть день, хоть час, хоть шаг
Без этого крошечного удушья.
Душа, почти как веточка, тщедушна
И держится, сама не зная как.

И кажется, что ей уже не выжить.
На тополя державный ржавый штырь
Насажен воздух злой, как нашатырь.
И едкий дым меж веток неподвижен.

И вскрики галок, словно лай собак,
Небесных псов на службе листопада.
И небо в дырах... Боже мой, и надо
Прожить еще хоть день, хоть час, хоть шаг.

Пригороды. 1941 год

Мы вывезли все, что сумели,
Под крики безумных ворон.
Уже расстреляли Растрелли
И взорван уже Камерон.

И надо скорей, Бога ради,
Из Павловска всем уезжать.
Уже павильоны Ринальди
Под горку ведут убивать.

И парки похожи на бойни.
И пал под бомбежкой Земцов.
Они достают бронебойными
До двух предыдущих веков.

И вывороченные корни
Разрывов вдоль улиц встают.
Развалины флигелей черных,
Как зубы больные, гниют.

Трехтонка последняя мчится,
Чихая, по насыпи вдаль.
И женщины все пересчитывают
Спасенный фарфор и хрусталь.

* * *

К прилавку фруктов на таран,
Кряхтя, что было сил,
Лез одноногий ветеран
И всех нас материл.

Он яблоки перебирал
Получше, повкусней,
И маму страшно обозвал,
Чуть развернувшись к ней.

Он взвесил килограммов пять,
Шел сквозь толпу, как плуг,
И я не буду уважать
Его больших заслуг.

Я не хочу его любить
От всей своей души.
Нельзя войною окупить
Убожество души.

Он и тогда был не честней,
Был и тогда прохвост.
Он ногу сбросил на войне.
Как ящерица хвост.

* * *

Я наблюдал скандал глухонемых
В пивной на Петроградской, под салями.
Они то стойке метили под дых,
То воздуху пощечины давали.

Они стояли кучно, вчетвером,
И шли по кругу тайные пароли.
Один из них рубил, как топором,
Другой чертил в пространстве иероглиф.

Переходя галдеж нетрудно вброд
И дым табачный комкая руками,
Они весь жрущий и галдящий сброд
Одним безмолвием переорали.

И с пеною у рта, спокойно так
Перебивали пассами друг дружку.
Что заряжали, как Алан Чумаки,
Себе и всем соседям пиво в кружках.

Ночной смотр

Так к старым солдатам своим
На смотр генеральный из гроба
В двенадцать часов по ночам
Встает император усопший.

В.А. Жуковский

В двенадцать часов по ночам
Министр встает к телефону,
Звонит он усопшим друзьям,
Снимая со шкафа корону.

В двенадцать часов по ночам,
А впрочем, бывает и позже,
Он власть прибирает к рукам
И держит бразды, словно вожжи.

Давно уже город затих,
А здесь совещанье, как в ставке.
И маршалов кличет своих
Печальный министр в отставке.

Остывших мартенов салют
И графиков взмахи косые,
И, как гренадеры, встают
Прорабы со строек России.

В прихожей шуршат кивера,
Под люстрой блестят эполеты;
Беседуют директора
Как в прежние дни, до рассвета.

В углу телефон-пулемет
(Диск погнут и провод потертый)
Прицельно всю ночь напролет
Стреляет в давным-давно мертвых.

Но с первым лучом по утрам,
Безмолвная, словно могила,
Сиделка подходит к дверям
И пачку несет делагила.

I.

Театра сальный, рваный купол,
И глухо, словно контрабас,
Своих заблудших, глупых кукол
К себе скликает Карабас.

И к каждому он как к родному,
За что их, право, осуждать?
Даст каждому по золотому,
А Буратино — целых пять.

Но злой мальчишка длинноносый
Ему оплатит за добро,
Ведь выпадет конец хороший
Гораздо реже, чем зеро.

От злости щиплет он колено,
Кто точит зуб — он точит нос!
Опомнись, хитрое полено,
Ты до театра не дорос.

Пока ж все вместе жарят утку,
Исполнив тут же под столом
Свою излюбленную шутку,
Завяжут бороду узлом.

Лег Артемом на край матраса,
И куклы, позабыв про плен,
Почти всю ночь за Карабаса
Пьют им же сваренный глинтвейн.

II.

Тритон пожирает червя,
Колышется бурая тина.
И глупо грустит Буратино,
Усевшись на краешек пня.

Ему открывается пруд,
Где живности страшные козни
Готовят личинки стрекозы,
Где чудно кувшинки цветут.

Там туфелька в толще висит,
Что вряд ли и Золушке впору.
А он, блудный неуч, и флору
От фауны не отличит.

Там у плавунца в голове
Пробил свою дырочку гладыш.
Как в сказке: у берега ландыш,
И жаба сидит в галифе.

Там как табуретку несет
По чистой воде водомерку.
На крыльев хрустящих примерку
Наверх златоглазка ползет.

Глазеет на пруд дурачок,
Спешит все понять Буратино,
Покамест старуха Гортилла
Ключом его не отвлечет.

Муха

Муха легкая, летая,
Свысока глядит на нас,
Никогда не закрывая
Мониторы умных глаз.

Недоступно ей страданье,
Нет с похмелья тошноты —
Совершенное созданье
Бесподобной красоты.

Раздел второй «ЛЕЙТМОТИВ»

Гавань

Квартал белоснежный бетонные вздул паруса.
Его корпуса распрямились от ветра наката.
Отвесно поставлены мачт корабельных леса,
И вся новостройка летит в небеса, как регата.

Такому и не было места в петровых мечтах,
Не мог он представить, как эта громада летает.
Окраины эти похожи во всех городах,
Но чудом каким-то в них здесь

Петербург проступает.

* * *

...Но композитор Карл Черни
Почти всю жизнь работал вчерне —
Этюды для развития рук,
Для чувства ритма и для слуха,
А после этих всех наук
Уже для укрепления духа.

Из музыкалки во весь дух
Бежишь и шепчешь: “Плакса, дура!”
Берез в снегу клавиатура,
И на ресницах белый пух.

Ах, Черни — твой иезуит,
Он в черной палочке лежит.
Болят натруженные пальцы.
Косметика в слезах, на то,
Что ты в расстегнутом пальто,
Прохожие лениво пялятся.

А дома снова та же мука —
Сольфеджио — такая скука!
Бросаешь в угол свой блокнот.
Желания играть ни грамма,

Как нотный стан — кардиограмма
Скачками сумасшедших нот.

Но Карл Черни за окном
Стоит под деревом у дома,
Синиц расставив на полтона,
И снег пинает каблуком.

* * *

В ту зиму я подолгу наблюдал
Природу и ходил подолгу следом
Сам за собой, за тенью и за снегом,
Что с облака по ниточкам сбегал.

Но не было в нем свалки, кутерьмы,
Хоть виражи стремительнее ралли.
И все мои поступки упирались
В простую геометрию зимы,

Где все сосчитано, как ни крути.
Где рой снежинок их суммарный вектор
Определял не столько силу ветра.
Но направленье моего пути.

Законы тождества неравных тел —
Разгадка механизма всех метафор,
В то, что подвластен им поступков табор,
Я верить и боялся, и хотел.

Я наблюдал предельно за собой,
Как будто стал прозрачным: видел почки
И легкие, сосуды все и точки,
И знал уже, где намечался сбой.

Лишь по тому, как выглядел каштан
В окне или какой сугроб отечный.
Так пассажир в такси следит за счетчиком,
Сверяя с ним полупустой карман.

И было то назад тому лет пять.
С тех пор я так не чувствую природу.
Но иногда еще себе в угоду
О том я позволяю вспоминать.

Мимоза

Из немецкого пьет стекла,
Пару веток склонив полуголых.
Листья лапками богомол
Уцепились за край стола.

Кустик, словно в анабиозе,
Замер, съежился, но цветут
Многоточия желтой мимозы
Врассыпную и там и тут.

В эти круглые яркие гранулы
Заключен, как в ампулы, март.
И почти на пятнадцать карат
Драгоценные тянут градины.

По колена в воде, у окна,
Сколько ты мне всего напомнила,
Мнемозина, мимозка, весна...
Огорошив собой всю комнату.

Смольный собор

Куда тягаться нам с природой.
Но обучается с азов
Керамика легчайших сводов
Архитектуре облаков.

А небо строго параллельно
Воздушным светлым куполам.
Здесь Стасов дописал Растрелли.
Внося поправки тут и там.

Но им как будто не до спора —
И так их линии легки.
В бисквите Смольного собора
Застыли окон пузырьки.

Он выкрашен небесной краской,
Умыта даль, Нева чиста,
И ласточка вокруг креста
Замкнула круг небезопасно.

* * *

Параболу чертит комета,
И лето летит по прямой,
И вянут остатки омлета
На блюдец с каймой голубой.

Все к лучшему, чай остывает,
И ложка на сахарном дне
Сквозь золото зло дотлевет
И тускло блестит в глубине.

И свежесть такая, как в мае,
Но август сгребает улов.
Трава на штыки подымает
Своих непокорных жуков.

Вот солнце садится, как зреньё,
И птицы устало цедят.
Сквозь марлю тумана их пенё
Легко, как фигуры наяд,

Парит на виду у заката.
Крылом не задев тишину.
И ус серебристый цикада
Настраиивает на луну.

«Прием. Я земля. Я планета».
«Я скрюченный чертополох».
И страшно подслушивать этот
Безумный ночной диалог.

* * *

Гудит, жужжит, из кожи лезет полдень,
Капустницы забор перелетают.
Жара, но яблоки, как луны полные,
На ветках холодно мерцают.

Качаясь в гамаке просторном, Варя
Читает “Робинзона Крузо”.
Над ней оса висит, как свежесваренный
Початок кукурузы.

И перед девочкой лавиной оживают
Чужие океаны, острова, дороги.
И океаны трав, жуков, букашек омывают
Ее босые ноги.

Тринадцать лет. Бог мой.

Всегда так будет, лишь бы

Гамак качался ровно.
И солнце бьет в упор, а сад цитирует Куинджи
Почти дословно.

Кактус

Он на окне, как самодержец,
И хоть ростком всего с вершок,
В ежовых рукавицах держит
Свой керамический горшок.

И рядом с луком в мутной банке
Имеет он надутый вид.
За окна глядя спозаранку,
Воды набравши в рот стоит.

В чужой, сухой земле по горло,
Выносливее, чем верблюд,
Своих корней витые сверла
Упрямо вкручивает в грунт.

Его лысеющий затылок
Покрывл младенческий пушок.
Он — как зеленая бутылка,
Колючий маленький божок.

Я словно идолопоклонник,
Всходящий прямо к алтарю,
Облокотясь на подоконник,
Часами на него смотрю.

Державин

...Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак сечет.

Г.Р. Державин

Не смерти бояться тебе, а бессмертья,
Возвышенный, косноязыкий ворчун.
Ты знаешь, что оды державный чугун
Еще пересилит столетья.

Вот здесь-то весь ужас встает над тобой,
Когда твои дикие, дерзкие строки
В грядущих столетьях стоят одиноки —
Частица твоя пред неясной судьбой.

Покуда стихи еще живы, покуда
Тебя не забыли, предав их золе, —
И праху не будет покоя в земле
От их непомерно тяжелого гуда,

Федорино горе

Что сковородки, ложки, вилки?!
Смычки сбегают им под стать,
И их уже с миру по Шнитке
Удастся вряд ли вновь собрать.

“Petroff” замучила одышка,
Он спотыкается, и вот
С виолончелью едет крыша
От автора безумных нот.

Квинтет. Придуривается Шнитке,
Подтягиваются колки.
И, кажется, роялю скрипки
Совсем запудрили мозги.

Он, как Федора, вслед за ними
По огородам и полям
Своими темами кривыми
Несется вскачь сквозь тарарам.

С чего произошла размолвка —
Теперь уже не угадать.
Все смолкло. Заиграло. Смолкло.
Никто не знает, где вступить.

И все же наконец, весь в мыле,
На белой лошади в народ,
Кичась, въезжает Здравый Смысл,
Но только задом наперед.

* * *

Наплел с три короба паук
в углу под потолком,
Но мухи ловкие ему
не верят нипочем.

Они под носом у него
идут на эпатаж —
Известен с молодых ногтей
им высший пилотаж.

Заходят мухи из пике
на мертвую петлю,
Но мертвую петлю свою
припас паук в углу.

* * *

Май занят качанием прав
С природой со всей: или — или.
Вверх черные клювы задрал,
Деревья едва оперились.

И сразу наперегонки
Друг с другом готовы рвануться
Стрекозы, личинки, жуки,
Что только успели проснуться.

И май отвоюет плацдарм
У пригородов для лета,
Им сыт каждый двор и амбар,
Им каждая бредит примета.

Картошка лежала пока,
Но клубни ее из корзины
Ростками повылезли, как
Морские рогатые мины.

И первый ничтожный комар
Глазеет — к чему бы придраться.
И овладевает азарт
Листоною крылатых акаций.

И я в этом мае опять
Безумно могу поручиться —
Скорее я брошу писать,
Чем снова зима повторится.

Жук

Жук одет, как Дон Кихот.
Среди лопастей крапивы.
Неприступности оплот,
Норов дикий и строптивый.

Медный таз на голове —
устрашение безголовым.
Не ходи в его траве,
Чтоб не стать его уловом.

Зло блестит спины сурьма,
И опущено забрало.
В латах сам себе тюрьма,
Взгляд пронзительнее жала.

На отсеки поделен
Корпус лаковый, и ноги
Строго по три с двух сторон.
Уходи с его дороги!

Лишь ребенок с коробком
С ним и может потягаться,
Выйдя на поле тайком
На него... И может стать,

Попадется жук в полон,
Но и там в безумной вере —
Даже мертвый — рвет картон,
Позабыв включенным реверс.

Кузнечик

Как пишущая машинка —
Все поле в течение дня,
Когда без единой заминки
Сухая плывет трескотня.

Поет покоритель вселенной,
Ничуть не жалея до дыр
Протершийся на коленях
Зеленый походный мундир.

Мелодии дробь, перестуки,
Как стык, находящий на стык.
Старайся же, милый, чтоб звуки
К душе подходили впритык.

Спаси меня, добрый мой гений,
И плакал, и мучился чтоб.
О, вложено сколько творений
В широкий сократовский лоб!

Спаси меня музыкой поля,
Мелодией светлой добра.
Сыграй мне на скрипке, не боле,
Что так же мудра, как стара.

На фоне травы и заката,
В преддверии страшной зимы.
О, дай мне свои пиццикато,
Как мелких медяшек, взаймы.

* * *

Сплю до часу, на завтрак не встать по утрам.
День недели сегодня какой, угадать бы.
На подрамнике нынче один Левитан,
Что-то вроде картины, где осень. Усадьба.

Сколиозные, черные спины стволов
Возвышаются над индевелою крышей.
Вот и отпуск к концу, и из дачных домов
Даже лай оголтелый обычный не слышен.

И хозяйка несет от колонки воды,
И тяжелые брызги летят на ступени.
Ощущенье кругом если и не беды,
То какой-то над всем нависающей тени.

Словно поезд уходит — беги, догоняй,
Пока рядом, но шага не делаю даже.
И остывший на подоконнике чай
Можно спутать по цвету с окрестным пейзажем.

Упавшее яблоко

Вот яблоко упало в снег лицом,
И кожица испариной покрылась.
И значит это — что зима свалилась,
Как снег на голову, как с неба гром.

И значит, что опасность велика,
Она уже надолго здесь, и круто
Ртуть перешла отметку «ноль», как будто
Через границу иностранные войска.

И вот уже морозец гнет свое.
И деревья не требуют отсрочки.
Пришла зима, над «и» расставив точки.
Хотя при чем тут «і»? Скорей над русским «ё».

Острее жить, все шутки — только в лоб,
И хрупок смех, что легонькая ветка:
«Смотри, смешно — собака, как креветка,
Толчками нервными плывет через сугроб».

И мальчик за окошком говорит,
А на стекле слова запотевают,
И, превращаясь в астры, остывают,
И в качестве ином живут. Слегка сквозит.

Хотя, по правде, суть отнюдь не в том,
Суть в яблоке упавшем — это значит.
Что осень больше ничего не значит.
Коль яблоко уже упало в снег лицом.

* * *

И бог богов, великий громовержец,
И бог богов, я повторю, судья людей,
Суровый символ власти, самодержец...
И Зевс великий был прелюбодей.

Сходились и с людьми его дороги.
Он выбирал пастушек и цариц.
Их сыновья и дочери — полубоги
Внебрачные по свету разбрелись.

Но гибли боги, к вирусу христианства,
Не находя, увы, иммунитет,
А дети их плодились с постоянством,
Сводя черты отцовские на нет.

И страшно мне подумать, что, быть может,
Есть и во мне, размешан и привит,
Тот олимпийский мед на донце чайной ложки
В плебейском дегте злой моей крови.

* * *

Словно ворот, рву фрамугу
Прочь от горла. За окном
Славно баховскую фугу
Вьюга кружит с фонарем.

Ночь лежит под новым снегом,
Как резинкой стертый знак.
Под снижающимся небом
Приседает березняк.

Ветки ивы, как холопы, —
Им уже не встать с колен.
Махаоновы хлопя
Мягко бьются по земле.

Наблюдаю непогоды
И погоды ровный счет,
Психологию природы:
Белый, черный, белый, че...

Раздел третий “СУТКИ ЧЕРЕЗ ТРОЕ”

Сторож

В морозный воздух тополь влит,
Отлит из звонкого металла.
И в ночь, густую, как сметана,
На снег, где лишь следов санскрит,

Выходит сторож, как на сушу,
Покинув пост сторожевой.
А небо дикой пустотой
Его высасывает душу.

Воронкой втягивает в те
Глубины, но, храня свой статус,
Здесь тело полое, как статуя,
Стоит нелепо в темноте.

И так вот, сутки через трое,
Как график в аэропорту,
Его душа в ночном покое
Летит бесшумно в пустоту.

* * *

Как сладко сумраком дышать.
Точнее, сумерками, право,
Что выше есть, чем это право —
Смотреть, и видеть, и молчать.

Качнется тихо крупный снег
И пустит небосвод по кругу.
Подмяв промерзшую округу
Под свой чуть видный лунный свет.

И чем темнее, тем ясней
Среди предметов и явлений
Причинных связей появленье,
Исчезновение теней.

Душа, как якорь, вниз пойдет
Измерить сумерек глубины,
Их цвет неясный, голубиный
И мягкий снег, и чистый лед.

И судорога цепь встряхнет,
Когда душа до дна дойдет.

* * *

Константину Сихау

Негромко говорить о жизни,
О жизни, просто и всерьез,
Чтобы в глазах стояли линзы
От слюдяных прозрачных слез.

Чтоб в них пространство преломилось,
И поменялись даль и близь.
Чтоб контур с контуром сходились
И не могли никак сойтись.

Негромко речь вести о жизни
Без суеты и без вранья,
Как об один раз данной визе
Из сумрака небытия.

О жизни, стало быть — о смерти,
Их связи кровной меж собой,
Их глубину подите смерти
Своею собственной судьбой.

* * *

Ах, строчку б заново начать.
Да что строка, мне нужно к лету
Начать бы новую тетрадь,
Закрыв на середине эту.

Тетрадь была б еще пустой,
Была бы в клеточку и чем-то
Роднилась с шахматной доской.
И до последнего момента

Я б в ней фигуры расставлял,
Забыв теорию дебютов,
Такие образы б давал,
Все комбинации запутав!

И так по жизни на рожон
Ломился по диагонали,
Как ходит деревянный слон.
Владея белыми полями.

Но мне с начала не начать,
И партия на половине.
И думаешь: не или — или.
А как достойней проиграть.

Как старый стих оставить в силе,
Как кончить прежнюю тетрадь.

* * *

Из-под темных бровей взгляд тяжел, как кистень,
В пальцах спичечных крошки катая,
Мужичок с ногтей и усы набекрень
На столе все рассвет поджидает.

Он похож на поганку, подбит левый глаз,
Его мятая шляпка червива.
Он сидит, опустив свои ноги, как в таз,
В кружку теплого мутного пива.

И в душе поднимая осадок со дна,
Мужичок мне помашет рукою.
Это злобный и маленький бог бодуна
Ежедневно приходит за мною...

Конец мая

Многоступенчатая, как ракета.
Сирень над бездной лета замерла,
Но излучает волны фиолета,
Сжигая воздух сумрачный дотла.

Она смертельна, радиоактивна
И облучает волнами тепла
Цветочных мух и грозовые ливни,
Деревья и небесные тела.

Сирень пульсирует, огромна и столика,
В который раз понять давая мне,
Что жизнь со мною неравновелика —
Она меня серьезней и умней.

Но я не посвящаю ей элегий,
Хотя мы с нею иногда на “ты”.
И здание Двенадцати коллегий
Надсадно дотлевет сквозь кусты.

Вот здесь сирень напомнит мне о месте
Моем. И опираясь о листву,
Качаются тяжелой стаей крестики,
Удерживаясь чудом на плаву.

С Невы прохладен ветер. Мало света,
Неверный шаг — и попадешь в июнь,
Оступишься — и сразу канешь в лето,
Как в Лету. Все темней небес латунь.

Все стронулось в душе громоздко, словно
Состав на ржавом умершем пути.
Сирень крепка — так крепко держат слово.
Пока крепка, лишь сумрак впереди.

* * *

Светает. Воздух нем как рыба.
Беззвучно дворник колет лед,
И выщербленной жизни глыба
Неслышно, как рассвет, встает.

Так погребает под собою,
Что не поднять и головы.
Стихи пишу я, будто рою
Противотанковые рвы.

Судьба корежит, бьет, и надо б
Смириться, но расклад не тот:
Здесь каждая строка, как надолб,
Меня хранит и бережет.

* * *

Афина Паллада стоит против солнца. И так
Лица не видать из-под позолоченного шлема.
Заранее ясно, что дело троянцев — табак,
И город прекрасный падет, так что радуйся, Шлиман.

Великие боги вновь масло подлили в огонь.
Под Троию собрались мужи ото всюду для мести,
Их долг интернациональный призвал. Задан тон.
Триеры скрипят. Злые блики играют на меди.

И все девять лет стрелы воздух горячий рыхлят,
И город в осаде стоит, словно торт на подносе,
И боги ночами, как в Ставке, над картой висят,
И новые каверзы чадам своим преподносят.

Герои слепее Гомера, безумцы они,
Их жесткие жизни пошли на постройку поэмы.
О, как разбросало по свету их после войны -
И в Рим, и в пучину морскую, и в пасть к Полифему.

Немногие вновь возвратились в родные места,
Так, значит, и греки с Троянской войной сели в лужу.
А что же случилось с виновницею торжества?
Что случилось с Еленой? Вернулась, наверное, к мужу.

Вернулась и бог с ней, потом ее кто-то убьет.
К чему весь сыр-бор и к чему эта вся мясорубка?!
Разрушена Троя. Погиб изможденный народ.
И боги лакают вино из кровавого кубка.

* * *

Чем неустроенной душа.
Тем строки все точней.
Тогда и пишешь, чуть дыша,
И проще, и честней.

И совершенней звонкий стих
Прозрачнейшей воды.
Когда страданий за двоих
И за троих беды.

Завтрак аристократа

Яичницу разбил, как сад,
С утра, среди зимы, привычно,
Такой был сада аромат
И масла щебет птичий.

Сам стал садовником и в нем
Стал жить. Полоть его и холить.
Каморка, сданная внаем,
Цвела и пахла поневоле.

* * *

Я вспоминаю, что я много думал,
Тогда как делать надо было больше.

Я вспоминаю, что я много делал,
Когда подумать надо было малость.

Теперь я знаю, что я мало думал.
Теперь я знаю, что я мало делал.

* * *

Стихи ушли, осталась проза,
Так речка обнажает дно.
И остается грунт, порода,
А остальное сметено.

Так остается фляга с водкой.
Когда вино ушло на дам.
Не нужен бутерброд с селедкой,
Не обязателен стакан.

Так остается напоследок
От всех огней, ракет, шутих
Безбрежное ночное небо
И оглушающая тишь.

Ночная вахтерша

Когда из университета
Уйдет последний человек,
Не скрипнет блюдечко паркета.
Часы не остановят бег.

Чернеет коридора глыба,
Мерцают статуи... и вот
Старуха бродит, словно рыба,
Точнее, делает обход.

Беззубый рот свой открывает
И сонно жабрами шуршит,
Все видит, слышит, понимает,
За шкафом с кем-то говорит.

Когда храпят ее коллеги
Под пледами по всем постам,
Она Двенадцати коллегий
Еще припоминает гам.

Все духи зла, что здесь гнездятся
И выползают по ночам,
С ней в сговоре, и, может статься,
Придется как-нибудь и вам

Гулять по факультетам просто,
Глазеть... Но боже упаси
Остаться на ночь и знакомство
Вам с этой рыбиной свести.

Пост № 243

Январь пришел и встал поперек горла.
И не вздохнуть, дыханье в легких сперло,
Выкашливая по кусочкам стих,
Иду, бреду к ночному таксопарку,
Всегда там суп, второе и заварка.
Да мало ли, что есть еще у них.

Пусть пост на час останется открытым:
Ведь сторож охраняет лучше сытым.
И никуда не денется объект.
Ну и январь, и все из рук вон плохо,
Осталась мелочь на трамвай и треха.
И ту я разменяю на обед.

Как нынче зла зима и бестолкова,
Одна отрада, что не гаснет слово,
И стих мой пробивается к весне.
Расплескивая желтый свет лениво,
Как будто банка-трехлитровка пива.
Автобус проползает по шоссе.

Теперь мне ни подсказки нет, ни знака,
А помню, что и я бывал, однако,
И сыт, и пьян, и носом в табаке.
Теперь один, вслепую, нет поблажки,
Хоть пост бросай, хоть вешайся, так тяжко,
Как будто пуд таскаешь в рюкзаке.

И чем трудней, тем все слышней, что где-то
В блестящих клапанах, похожий на корнета.
Сопровождает жизнь мою кларнет.
Он о дороге трудной возвещает,
Он душу, словно ангел, возвышает,
Но, впрочем, не хранит меня от бед.

* * *

Насквозь промываемый ветром лесок.
Тяжелое небо лежит на осинах.
И вдавливают свой лепной потолок
В раскисшие ветви, а серая глина —

Рельефная карта небесных высот,
Где все превращается в хлипкую грудку.
По краю дороги желтеет осот,
Как стружка, и ветер замолк на минуту.

А я все пейзажи годами пишу,
Как будто постельный больной, обреченный.
По памяти мокрые ветки черчу
На грубом картоне углем раскаленным.

И чувствую необратимость ветвей
И листьев, и каждой травиночки в жиле.
Скорее не времени года, а жизни
Я всю невозвратность постиг до корней.

Природы я всю невозвратность постиг
Внезапно, как груз на себе многотонный.
И тополь в безветрии замер, как крик,
И лиственниц темные чаши бездонны,

Почти как глаза. Только хрупкий лесок
Стоит, словно камерный малый оркестр.
Настроены скрипки, и каждый смычок
Проверен и знает уже свое место.

* * *

...И вот тогда приходит проза,
Она целебней, чем глюкоза,
Питает душу и мозги,
Когда пустые разговоры,
Когда ни веры, ни опоры,
Когда уж не видать ни зги.

...И вот тогда спасает слово,
Которое надежней крова,
Когда уже ни сил, ни слов.
Оно — предвестие свободы,
Как до отчаянья, доводит
До самых болевых стихов.

Из книги «СОТРЯСЕНИЕ ВОЗДУХА» 1989 г.

Раздел первый «Сотрясение мозга»

* * *

Постольку, поскольку стихи в голове,
И спирт настоялся на кислой айве,
И лед хладнокровно пошел по Неве,
Постольку, поскольку есть план на примете,
Как в дамки пройти, срезав наискосок,
И звезды хрустят на зубах, как песок,
И стиль, что я сам себе выбрал, — высок,
Постольку и жив я на свете.

* * *

Застань себя за кружкой чая
Случайно, как бы невзначай,
Блестящей ложечкой мешая
Бордовый краснодарский чай.

Увидь себя за рюмкой водки
Внезапно, как из-за угла,
Свой мятый профиль в свете «сотки»,
Что судорога вдруг свела.

Все это ты — большой и цельный,
Как четко слаженный прибор,
С коммуникацией котельной,
И слева тарахтит мотор.

Но в сердцевине этой жизни
Схвати вдруг за руку себя.
Почувствуй: глаз в прозрачной слизи,
И в корочке сухой губа.

Найди себя на грани лета
С восторгом страшным и тоской,
И поперхнись, что ты — все это,
И ужаснись, что ты — живой.

* * *

Мне снилась музыка, я спал
И ощущал ее всей кожей
Кругом, как плотный матерьял
На полиэтилен похожий.

Хоть я и чувствовал подвох,
Так музыка владела слухом,
Что я, проснувшись рано утром,
Не сразу понял, что оглох.

После чтения эзотерической литературы

Сначала стих мне спать мешал
И я, как на допросе,
Всё на вопросы отвечал,
Дрожа пред ним, а после

Комар, как тросточкой слепой,
Постукивая носом,
Всю ночь слонялся надо мной,
Под нос себе гундося.

Когда ж пошел я, словно раб,
Покорно на работу,
Меня с утра достал прораб,
А дома вызвал рвоту

Портвейн, что выпит был на треть,
И я себе прокаркал:
«Старик, ты можешь умереть,
Ты отработал карму».

Атаманский мостик

Здравствуй, мой канал Обводный
С масляной водой бесплодной
В скользком камне ледяном.
Я пришел на мост казачий, —
Неживой, немой, незрячий,
С красным мерзостным вином.

Оба мы мертвы, не скрою,
Оба знаем за собою
Столько трусости и лжи.
У кого душа чернее,
Холоднее и страшнее,
Свет мой, зеркальце, скажи.

Что ж, хоть это и нелепо,
Поглядим друг в друга слепо,
Каждый уходя во тьму.
Я допил, храня ухмылку, —
Забирай себе бутылку,
Как посланье никому.

* * *

Сойду с ума, как сходит капитан,
Поспешно покидающий корабль,
По трапу к шлюпке. SOS радистом дан,
Трюм затопило и замкнуло кабель.

Без паники оставлю я себя,
С достоинством, торжественно почти что.
Так капитан без верхнего белья
Сжимает судовой журнал под мышкой.

Последним он уходит с корабля,
Хоть в запертой каюте (он-то знает!)
В воде по пояс мечется дитя
И хомяка за пазухой спасает.

Клин клином

С похмелья не спасет компот,
От водки лечат только водкой,
Когда, давясь, накроешь соткой
С утра желудочный компост.

Кровь невозможно смыть водой,
Ее смывают только кровью.
(Конечно, я не кровь коровью
Имел в виду, само собой.)

Но принцип сей дает осечку,
Порою в дебри заводя.
Поверь. Стерпи. Прости тогда.
Доверься своему сердечку,
«Клин клином» клинит иногда.

* * *

Виктору Ульяненкову

Я спросил его: «По что ты все пьешь,
Жизнь прожил, а не видал ни хрена?
Посмотри — весна-то — мать твою ёшь,
В смысле, дивная какая весна.

А ты глушишь, словно мамонт, с утра».
И ответил он с нездешней тоской:
«Я сегодня — не такой, как вчера,
А вчера я был совсем никакой».

* * *

Николаю Позняку

Зайдем в пропащий кафетерий,
С эклером парочку бактерий

Съедим болезных, кофейком
Запьем, закусим сквозняком

И выйдем снова на Литейный,
Трамвайный путь узкоколейный

Вброд перейдем наискосок
Под милицейский свист в висок.

Из этой кутерьмы весенней
Заскочим прямо в век соседний,

Как в переполненный трамвай.
«Куда он движется? Узнай!» —

«По двадцать первому маршруту».
Нам по пути, хотя я трушу,

Что контролер пристанет к нам.
«Не трусь, дружок, уже мы там!»

Сонет

Смертный холод, смертный лед
Поперек груди встает,
Глыбой давит диафрагму,
Волю из меня сосет.

Я не знаю, как мне быть,
Остается волком выть.
Ужас, словно метастазы,
Начинает в теле гнить.

Нет порока хуже страха,
Нет красноречивей знака,
Что еще юлит судьба,
Что я сам несовершенен,
И душа еще слаба.

* * *

В квартире, словно в скорлупе,
Не зажигая свет
Хожу, шепчу под нос себе,
Что защищен от бед.

В орех как гусеница вполз,
На ниточке вишу
И замираю в сотнях поз,
Когда заслышу шум.

Ввергают в ледяной испуг,
Щекочут позвонки:
Вой лифта и в парадной стук,
К соседу в дверь звонки.

Вдоль стен на цыпочках брожу,
Шуршу в черновиках,
Как над ребенком весь дрожу,
Укачиваю страх.

Я чувствую, что некто ждет...
Вот к уху он поднес
Мое несчастное жильё.
Его дремучий мозг

Ворочается тяжело
И капает слюна.
Он думает, где взять сверло,
Чтобы достать меня.

* * *

Безумна в душе кутерьма,
В ней нету ни капли ума,
Одно только сердце и бронхи.
Слегка меня кто-то задел,
И весь этот суп закипел,
И логика жметя в сторонке.

Но кто-то ведь может здесь жить
И счастливо в небе парить,
А мне где взять силы рвануться?!
Ведь чтобы взлететь над землей
Как минимум твердь под ногой
Нужна, чтоб сильней оттолкнуться.

Размолвка

Замок с обратным ригелем,
Крестообразна скважина.
И петли вслед за Рихтером
Мне исполняют Вагнера.

Какая баба вздорная!
Я не вернусь, наверное.
Лишь лампа коридорная
Мигнет мне в одобрение.

* * *

Просыпаюсь намеренно рано,
Выхожу на правах Тамерлана
Суд вершить над подвластной землей.
Все шесть соток лежат предо мной.
И лопата в руках, как расплата
Сорнякам. И рублюсь до заката,
Кровью трав обагрив рукава,
С диким дерном качая права.
Города муравьиные срюю,
Грядки грозно в шеренгу построю.
И меняется облик земли,
И уже отступают полки
Лютых лютиков, сныти, пырея.
Чернозем за спиною жиреет
И бурлит, от жары разопрев.
И разрубленный надвое червь
Будет каждой из двух половинок
До конца своей жизни невинной
Помнить сталь той лопаты на вкус,
Что ему показала свой профиль,
И дрожать, огибая картофель
Или красной смородины куст.

* * *

Мне сегодня сын наврал,
Так легко и так беспечно,
Словно кот бумагу нарвал
Или мышку покалечил.

Он теперь совсем большой,
Сам за всё уже в ответе,
Что ему мой гнев пустой,
Правды сломанный хребетик.

* * *

Фильмы ли смотрел, читал ли,
Вдаль глядел ли с высоты,
Я все смерти примерял и
Все не мог свою найти.

Когда в строчку лезла фраза,
Угодив не в бровь, а в пах,
Даже в киселе оргазма
Иль от славы в двух шагах,

Когда жизнь брала за плечи,
Позволяя мне взлететь,
Я раздумывал, как легче
И спокойней умереть.

Я не то чтобы боялся,
Просто мне казалось, что
Я в чужую жизнь прокрался,
Затесался, занял то,

Что назначено другому,
И когда-нибудь меня,
Как ручейника из дому,
Вытащат при свете дня.

Я вцеплюсь в свой панцирь сонно,
По привычке все хватать.
Мне не страшно умирать,
Только б, Господи, спокойно
И достойно все принять.

из «ПЯТИ СТИХОТВОРЕНИЙ О БОРИСЕ,
БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЙ,
НО С ПРИКРАСАМИ»

I.

.....

II.

Изгибы пляжа повторяет чайка,
Взбираясь с каждым полукругом выше.
Бреду по жесткой гальке, как по гайкам,
Вино зажав под скользкою подмышкой.

В транзисторе буксует буги-вуги.
Прихлебывая теплое «Эрети»,
Лизну соленое плечо подруги —
Вот и закуска. Что у нас на третье?

Не тает очередь у серой будки,
Где марковча и жареный картофель,
Проходит лайнер мраморный, как будто
Бюст римского legionera в профиль.

Здесь худшее, что, кажется, бывает
В счастливой пляжной жизни человека —
Когда на землю мясо выпадает
Из теплого конверта чебурека.

III.

Волна волну переживает.
Недвижим парус за мыском.
Размешаны чайники чаек
В прозрачном небе высоко.

Прибой все топчется на месте,
До пяток не достав чуть-чуть.
И отражает солнце крестик,
Прилипший к правому плечу.

Безвольно тусклая цепочка
Стекает с горла на песок.
Какая чудная отсрочка
Беспамятства. На волосок

От обморока, книжку Кафки,
Не разбирая слов, листать.
И ждать, когда просохнут плавки,
Чтоб тут же в воду забежать.

Вода накатывает снова
Медлительная, словно смерть.
Как странно на себя смотреть
Со стороны, как на чужого.

IV.

.....

V.

.....

Раздел второй «СОТРЯСЕНИЕ ДУХА»

* * *

Ночью алкаш поскользнулся
В снег, да и дело с концом.
В звездное небо уткнулся
Мертвенно-бледным лицом.

Встретил вплотную, воочью
Шероховатую тьму.
Что он узнал этой ночью —
Не передаст никому.

Стал лишь его достоянием
Свет от умершей звезды,
Зеленоватым сиянием
Капнувшей в глаз с высоты.

У церкви Богоявления на Гутуевском острове

Приближается к Богу старуха
На кривых деревянных ногах.
Ни Отца здесь, ни Сына, ни Духа
Ей не видно сквозь собственный страх,

Сквозь заботы и гипертонию,
Сквозь трамвайные трели и мат.
Но свершают уже литургию
И плакучие свечки чадят.

Церковь мрачно плывет над домами.
Трюмы залиты утренней тьмой.
И потрескавшимися губами
Шепчет старая: «Боже ты мой!»

К Богу медленно движется бабка,
В непроглядную смерть, там, где Он —
Жуткий страж мирового порядка —
Над твореньем Своим вознесен.

С непреклонностью необоримой,
Все преграды готова стереть,
Она ищет Его с той же силой,
Что саму ее жадная смерть.

Так идет строгой поступью мимо
Тех, кто может еще подождать,
К Богу твердо и неумолимо —
Пусть попробует Он не принять.

* * *

Запил стеклянный глаз водой,
Как будто аспирин,
Медаль вкрутил одной рукой
За взорванный Берлин,

Как лампочку на двадцать ватт,
В пиджак двубортный свой.
Так приготовился солдат
С утра кончать с собой.

В нагрудный положил карман
Гагарина портрет
И вышел, словно наркоман,
За лестничный пролет.

Тень Жукова над ним вилась,
Тяжелый пепел с крыл,
Как бабочка — пыльцу, боясь
Стряхнуть о лес перил.

Был ранним утром, словно сон,
Не виден никому
Мгновенный их полет вдвоем
В немой бетонный водоем,
Скольжение во тьму.

* * *

Пену с кружки сдувает мужик,
Словно свечки в торте задувает.
Мелкий снег сыплет за воротник,
Ничего, не такое бывает.

Медяки он взболтнет в кулаке
И возьмет в собеседницы воблу,
И разденет ее в уголке,
И постукает ласково по лбу.

Туго пиво идет с похмела.
(Хорошо, что еще не полтинник —
Сороковник... такие дела...)
Круглой дате не рад именинник.

* * *

Утро раннее, а из подвальяца
Тусклый свет и запах сигарет.
Человек из рюмочной поднялся
И пошел по Знаменской в рассвет.

Было ощущение такое,
Словно он внутри себя идет,
Продвигаясь медленно, в запое,
А уже потом наоборот —
Через пять ступенек и порог.

Мимо урн, ларьков и транспарантов
Он, качаясь от нездешних бурь,
Медленно шагал с глазами Канта,
Обращенными куда-то внутрь.

На ботинке остывала рвота.
В пальцах дрожь, в больном желудке зуд.
Не веселье и гулянка тут —
Изнурительнейшая работа,
Титанически тяжелый труд —

Сквозь озноб, икоту и миазмы,
Скинув романтичности налет,
Убивать себя с энтузиазмом,
Трезво, я б сказал, все наперед

Зная, наплевать на жизнь и счастье...
(Как Щедрин говаривал: «к вину
Он имел не то что бы пристрастье,
Но остервенение»). В вину

Кто ему поставить это сможет?
Кто из судий может в ряд с ним встать,
Деньги, власть, супружеское ложе
На стакан граненый обменять?!

Не измерить твердость этой воли,
Не понять его алкоголизм.
Я с его простой и жуткой долей
Зарифмую только — героизм!

Кровь

Как реки размывая глину,
Подтачивают берега,
Шлифуя рашпилями спину
Гранита долгие века,

Так кровь подтачивает тело,
В него вгрызаясь день за днем,
С напором двигаясь и смело
Ходы проделывая в нем,

Жестоко истончая ткани,
Каньоны углубляя вен, —
И человек идет как пьяный,
Давая поминутно крен.

Захлебываясь красной слизью,
Он тонет в собственной крови,
Он балансирует меж жизнью
И смертью, у него внутри

Саргассово клокочет море
Бордовых водорослей по
Артериям, каналам, порам
В потоке ярости слепой.

Им каждый капилляр залапан,
Гремит немолкнувший прибор.
Не дремлет слева жуткий клапан,
Волну гонящий за волной.

* * *

Ребенок числами играет,
Его холодный, быстрый ум
От счастья сладко замирает
В перестановке диких сумм.

Мильоны крепко сжал и тыщи
В ладошке крохотной своей...
Он их употребляет в пищу,
Почти как папуас червей.

Они ж, свиваясь в кольца круто,
Кишат повсюду вокруг него.
И он впадает поминутно
В безудержное хвастовство.

Генералиссимус цифири,
Математический мутант!
Все в этом бесконечном мире
Им пересчитано сто крат,

И в числовом, наверно, царстве
Поменьше места, чем в его
Безбрежном черепном пространстве,
Легко вмещающем гугол.

* * *

Дмитрию Балашову

Бог землю населил людьми,
Но люди, в свой черед,
В долгу остаться не могли,
Решив наоборот —

И заселили, верь — не верь,
Богами небеса.
И кто чья выдумка теперь
Понять уже нельзя.

Закрой на старый спор глаза:
«Первична плоть иль дух?»
Где верх и низ у колеса,
Что мчится во весь дух!?

Материя есть только вид
Энергии, а та
Довоплотиться норовит
В материи всегда.

Без Бога гибнет человек,
Но есть обратный ход —
Без человека Бога нет,
И небо не живет.

* * *

Иногда самые обычные и простые вещи
смешны до слез,
А самые очевидные истины выглядят убого.
Ну, вот, например: Иисус Иосифович Христос
По гороскопу был козерогом.

Советский герб

Медведе`й, коней кордебалет,
Львы, грифоны и орлы в манишках,
Даже есть двуглавый... экий бред.
Старый герб остался только в книжках.

В ленточках пшеница или рожь,
Солнца диск не над, а под планетой.
Скольких он ввергал при жизни в дрожь,
Круглый и весомый, как монета.

Проглоти попробуй тот обол,
Что влагали в рот нам после смерти.
Серп и молот, словно богомол
На булавку всажен в самом центре.

* * *

Старик у ивовых кустов
Распутывает лесу.
Стада теней от облаков
Легко бредут по лесу.

Как в ушко вдет в крючок червяк
И вышивкой по глади
Озерной занялся рыбак
Одной минуты ради —

Когда, подобно кадыку,
Вниз поплавок рванется,
Вернется к первому глотку
И снова кувыркнется.

В ведре забьется окушок,
Не ведая в той попытке,
Что где-то кончился стишок
О рыбаке и рыбке.

* * *

Бульдозер, словно бультерьер,
Весь день копается в отбросах,
И жадно тычется в карьер
Своим железным плоским носом.

В его стальные, рычаги
Вцепился насмерть работага,
Так глист вцепляется в кишки.
Фотонная рокочет тяга.

Он космонавт внутри души
Дремучей, по-крестьянски хитрой,
Он голову себе ушиб
С утра лимонною пол-литрой.

В кабине, в модуле висит,
Почти впадая в невесомость.
Звезда с звездой говорит
И позабыт стопую тормоз.

Лишь сидя на песке, в дыму,
Удравши от своей мамани,
Дитя, как инопланетянин,
Покажет кукиш вслед ему.

* * *

Ребенок, впавший в нарциссизм,
Все утро говорит с водою.
На дне хрустальном перед ним
Налим целуется с блесною.

Не леской тоненькой одной,
Они повязаны судьбой,
Пока ребенок сжал руками
Свой спиннинг спинномозговой,
Хрустящий всеми позвонками.

Покуда пальцы сведены,
Он с рыбою в одной упряжке.
Пристрастья каждого ясны
И все изучены замашки.

Но весь восторг ловца, азарт
Сойдет на нет от наблюденья
За мукой смертного томленья.
...И рыбы на песке инфаркт.

И так же распределены
Дни мальчика. Готовы сметы.
Лень, радость и любовь равны
Борьбе, страданиям и смерти.

* * *

Жесток наш мир и бездуховен,
И никого ему не жаль,
Но двести с лишним лет Бетховен
До спазм колотится в рояль.

Он грозно топит баржи с углем,
Вздымая громы на плечах.
И чудится в его потуге
Какой-то перевозанный страх.

Он так шумит и свирепеет,
Природы нелюбимый сын,
Вид создавая перед нею,
Как будто он здесь не один,

Как будто ей сдаваться надо,
Она окружена давно, —
Что гложет в собственных каскадах,
Сам, как баркас, идя на дно.

Все жить боятся, все пугливы,
Но только он явил в сердцах
Столь мужественный и гневливый,
Столь мощно выраженный страх.

Швея

Укусила мизинец иголка,
И заплакала горько швея.
Золотая, как ниточка, кровка
На батист белоснежный стекла.

Сотни тихих домашних вампиров
Стерегут рукоделье ее.
Насекомых булавок рапиры,
Жальцем воткнутые в шитье,

Клювы ножниц, раскрытые хищно,
Шильца, тянущие хоботки, —
Все в руках ее ищут лишь пищу,
Их раскramsывая на куски.

Мало стоит слезинка девичья,
Но, быть может, лишь только она
Есть та плата за платья, за птичью
Легкость кружев и лед полотна.

На крыше

Две веточки кинзы и веточка укропа,
Головка чеснока, соленый хлеб, кефир:
Прекрасен легкий завтрак остолопа
На полпути в сияющий эфир.

Смеясь, одной ногой уже уперся в небо,
Другой, оставшись на строительных лесах...
Как счастлив он, кусок пахучий хлеба
Едва-едва до рта не донеся.

Раздел третий «СОТРЯСЕНИЕ ВОЗДУХА»

* * *

Вновь керосинка ждет меня,
Хоть в нашем электронном веке,
Как австралопитек, она
Подобна тупиковой ветке.

Как пойманные караси,
В аквариуме блики медлят,
Вытягивая керосин
Всем фитилем из банки медной,

И обращают влагу в свет.
Я ж, лампе старой подражая,
Свет этот в строчки обращаю.
Иной нужды в гореньи нет.

* * *

Какая тишь, когда с утра
За стол рабочий сядешь рано.
Вот хрустнул череп комара
Под пальцами, а вот упрямо

До сотрясения мозга шмель
В стекло бьет головой пушистой...
И тополиная метель,
И полный штиль бумаги чистой.

Какой неслыханный провал
В сырую плоть бумаги белой.
Я только нынче осознал
Свое писательское дело

Продуктом чуткой тишины
Внутри, равно как и снаружи,
Где даже шорохи важны,
А грохот музыки не нужен.

Стихи — не музыка и не
Поставленное в рифму слово,
Стихи — лишь тишина во мне,
Посредством чтения вполне
Из текста созданная снова.

* * *

Гражданский стих, припудренный, мучной,
Без компромиссов вымученный честно.
Я знаю, как рождается такой,
Как в сборнике ему бывает тесно.

Я знаю, как он пишется, когда
Еще нельзя, но вроде бы и можно,
А то вдруг совпадают иногда
Поэт и государство осторожно.

Не упустить соблазны велики
Серьезный повод для стиха, и каждый —
От вашего покорного слуги
До Пушкина — страдали этой лажей.

Натужный пафос, мысли гневный ход,
Повышенное слюноотделение...
Гражданский стих — чудовище, урод
В семье русского стихосложения.

* * *

Биография поэта —
Ксерокопия эпохи.
Не смотри, что жизнь эта
Меньше самой малой крохи.

И пока лежит в запарке,
Не заверенная смертью,
Все стихи в ней, как помарки,
Лишь мешают документу.

Нет достойнее печати
Чем Дантес, Мартынов, Сталин.
Жалко, что сейчас некстати
Штамповать их перестали.

* * *

Прививка мистикой: апокрифы, потом
Египетская «Книга мертвых», Веды,
Блаватская, Ауробиндо том...
А можно курс леченья Кастанедой —

Все восемь книг, страниц по триста, съесть
И вдруг понять, что оттемпературил
Легко, и вспомнить вновь, что Гоголь есть,
Есть Достоевский, Гончаров и Бунин.

I.

Потолка бетонный купол
Калорифером прогреет.
Стены загнанные в угол,
Лампы злой наждачный свет.

Склад-подвал. У раскладушки
Искривленье позвонков.
Стол. Заварки пачка. Кружки.
Дверь закрыта на засов.

Новый пост. Листки горою,
Вечный пункт — с чего начать?!
Знают ли мои герои,
Где меня теперь искать?

И что нынче очень рано
Я, набравшись свежих сил,
На проспекте Ветеранов
На дежурство заступил?

Но они меня не слышат
И, не зная, где я там,
Ходят-бродят, словно мыши,
По чужим черновикам.

Я до ночи жду их жадно,
Пью чай, сгоняя сон.
Разобрать шаги их жажду
Сквозь железо и бетон.

II.

Ус пожевав свой немножко,
Худенькая на вид,
Рыжая сороконожка
В складках цемента бежит.

Поезд в двенадцать вагонов,
Скорый «Москва — Петербург»,
Следует мимо перронов,
Дыр, что забыл штукатур,

Выбоин, трещин, вокзалов.
Скорость под двадцать шесть ног.
Ах, если бы из подвала
Он меня вывезти смог

В царство сырого тоннеля
И в королевство жуков.
Там понежнее фланели
Плесени синий покров.

Там, умирая от счастья,
Белые ногохвосты
Жаждут со мною общаться
И обращаться на «ты».

Лишь бы меня бесноватый
Каменщик, плотник любой
Там не достал стекловатой,
Шпателем, кистью, киркой.

* * *

Под Псковом осень, словно под
Двумя-тремя перинами.
Шорк ластами, как рыба, крот
Из-под земли выныривает.

Тепло и тихо. Вход в леса,
Как в старый грот, заброшен:
Безлюдье, мелких луж слюда
И сталагмиты сосен.

Высоко птицы встали в строй,
Как им велит природа,
И за невидимой иглой
Стежок к стежку выводят,

И не оглянутся назад.
Прошиты черной ниткой
Велюровые небеса
Над закопченной липой.

Мехами красными червяк
Растянут, как трехрядка,
Под лист спешит, бесстыдно наг,
А там, где, вероятно,

Не ступит ни одна нога,
Грибы — народец тихий,
Как будто дети из-под мха
Показывают фиги.

Здесь с Богом каждый жук на «ты»
И словно Бог здесь каждый,
А ты поди поговори
Со всеми с ними, как же!

Ты им не ровня, ты, дружок,
Лишь ученик, послушник.
Гуляй весь день, зубри урок,
Молчи, смотри и слушай.

В голове

В голове уютится Божий дар.
Словно нищий комнатку снимает
И с себя последнее снимает,
Чтобы оплатить ее. Нагар

С тощей свечки счистит поутру,
Он боится топнуть, скрипнуть стулом.
Я ему сдаю ничтожный угол
И за то втридорога деру.

Смех сказать, другие постояльцы —
Похоть, Лень и Страх, смотрю сквозь пальцы,
Как они жируют за мой счет,
В долг легко живя за годом год.

Слабый стих

Безнадёжно слабый стих
Я создал прошедшей ночью.
Он затянут, бледен, тих
И, сведенный к многоточью,

Не решает ничего,
Прост, как детская считалка.
Почему же так его
Зачеркнуть в тетради жалко?

Я иные просто так
Чуть не то — швырял в корзину
Целиком и половину,
Только этот стих никак.

Что-то есть в нём, от чего
У меня в носу щекочет,
Хоть услышать нелегко,
Что он там под нос бормочет.

Будет долго он лежать,
Вряд ли я его забуду.
Просто, видимо, читать
Никому его не буду.

* * *

Как ни крути — Сократ был голова!
Прослыл блестящим виртуозом спора.
Он знал, как сопрягаются слова,
Однако сам не написал ни слова.

Какую прозу брал он в оборот!
Те диалоги повторишь едва ли,
Но школяры Платон и Ксенофонт
Майевтику прилежно описали.

Христос поэтом был. Наш свет не знал
Метафориста тонкого такого.
Он так слова искусно сопрягал,
Однако сам не написал ни слова.

В речах его азарт был и талант.
Они навечно в сердце западали.
Ученики Матфей и Иоанн
Всё для потомков точно записали.

Что, ежели закон земли таков,
И все литературные творенья —
Удел вторых, удел учеников,
И не огонь, а лишь продукт горенья,
Зола оставшаяся от костров?!

Достоевский в 1879 году

Как крот в норе, как зверь в капкане,
Как сыч, сидит в своем романе
За письменным столом. Вчера —
Еще сегодня. Всё в тумане,
И перхоть плавает в стакане
С остывшим чаем. Пять утра.

Сидит... его не можно трогать,
Не сыч — медведь, в роман по локоть,
Как в улей, лапы сунул, в нем
Все буквы жалят. С сердцем плохо.
Какая страсть, какая похоть
У Достоевского во всем.

Пером он братьям судьбы крепит
И с вождельем шельму метит.
Лицом к морозному окну,
Сидит старик при тусклом свете,
Совсем один на белом свете,
И пишет, глядя на луну.

* * *

Смотреть на мир, не видя соответствий,
Не чують вдохновенного Творца.
Природу лишь нагроможденьем бедствий
Всерьез считать до самого конца.

Восторг перед гармонией природы
На страхи геометра поменять
Пред хаосом бессмысленной свободы,
Пред невозможностью ее понять.

Как капитан в чужих морях без лоций,
Как дирижер, не зная строя нот...
О, сколь несчастен все же Заболоцкий,
Как дух его в пространстве одинок.

* * *

Глебу Горбовскому

Как шикарно поэт пропадает
На глазах у великой страны.
Дар, как свой гонорар, пропивает,
Сам не ведая дару цены.

Только все же его не возможно
Ни пропить, ни продать как товар,
Вот и мается бедный безбожно,
Потому он Божий — тот дар.

Как ребеночка всюду таскает
Он его в животе по ларькам
И от бремени сам умирает,
Улыбаясь всю небесам.

* * *

Сергею Николаеву

Хлебнул — и рукавом по подбородку.
Оставь ты эту булку с колбасой,
Закусим гладиолусами водку
Сиреневыми, штука — четвертной.

Так каждый лепесток небесно горек,
И каждый нежно пахнет ОРЗ.
Пустой бутылке скажем: «Бедный Йорик»
И зашвырнем подальше. В КПЗ

Менты полночи пьяниц будут лапать,
А наша ночь светла и весела!
И всякая собака задней лапой
Нам честь отдаст у каждого угла.

* * *

Велик язык, которым я дышу,
В который свой язык я погружаю,
Не видя дна, и гласные глотаю,
И как птенец над бездной трепещу.

Велик язык, как Тихий океан
Или стакан с янтарною цикутой.
И если я им так безбожно пьян,
Так что ж с того — и он любовью лютой

Нас любит всех, безмерно, наповал.
И то, что называется такою
Загадочною русскою душою,
Быть может, он один сформировал.

* * *

Когда я с пером и тетрадкой
Работаю дома полдня,
Подобие счастья меня
Тогда посещает украдкой.

Наверно, такое как труд
Душевное успокоенье
Ни сон, ни вино, ни веселье,
Ни отдых с собой не несут.

Труд так же для духа целебен,
Спасет от соблазнов и от
Несметных житейских забот,
Укроет от травли и сплетен.

И от размышлений пустых
О том, как же дальше жить, в смысле
Работа спасает от мысли,
От мыслей всех, как таковых.

Работа реально спасает
От полной потери себя
И щелочку сверхбытия
Над нами слегка открывает.

Не просто вгрызание в руду,
Не каторжное копанье,
Осознанный труд, с пониманьем
Я все же имею в виду.

Труд делающийся с любовью,
Во-первых — с любовью, потом —
Потом уж с огромным трудом,
Потом уже с потом и кровью.

Чистая филология

Родной язык — мне отчим полупьяный.
Я — пасынок, я меньше и слабее.
Но снова с ним права качаю рьяно,
И скоро, видно, получу по шее.

Меня еще на двадцать строчек хватит,
Еще я закручу пяток метафор,
Меня кондрашка просто так не хватит,
Пусть отдохнет патологоанатом.

Еще запью я рифмы пивом чешским,
Ввинчу в ладонь дождя стальные стержни,
Поглажу чресла молодой черешни
И поцелую женщину прилежно.

Хоть времени немного, но успею
У всех, кто рядом, попросить прощенья,
И лишь тогда язык свернет мне шею,
Как мальчику... без всякого почтения.

Раздел четвертый
«ВВЕДЕНИЕ В ЭНТОМОЛОГИЮ»

* * *

На золотой шесток присела стрекоза,
Плашмя, как буква «Т» заглавная упала.
Устала гладь косить воздушная коса,
Смертельные круги свои срезать устала.

Скажи мне, это Бог, как доктор Айболит,
Включает все твои хитиновые клеммы?
Не отвечает ничего. Молчит.
Поводит головой в танкистском шлеме.

Насекомые

Как ночные кометы, цветочные мухи идут
На цветущий жасмин,
на бутоны шиповника квелые,
Золотые хвосты за собой оставляя в саду,
О цветы разбивая свои самоварные головы.

Трансформаторной будкой
пространство над садом гудит,
Так пронизано зудом, жужжаньем,
что чешутся листья.
Воздух весь насеком,
но включает он в свой монолит
Сладкий запах цикория, мятные струйки Melissa,

Как прожилки на мраморе. И человека здесь нет.
Он здесь просто не нужен
и не предусмотрен природой.
В инфракрасных лучах
принимают гурманы наш свет,
Механических глаз не смыкая за легкой дремотой.

Механический мир напряжен, мы ему не чета.
Тут идет состязание, жизнь здесь подобна шараде.
И всего за мгновение беспозвоночных чета
По Луне может вычислить силу прилива на Фанди.

* * *

Букву «Ц» дробит цикада,
звезды уппадают в вереск,
И вода в камнях холодных ракушками шелестит.
Крабы, словно луноходы, выбираютя на берег
И по гальке мягко едут на колесах на шести.

Это древние останки вземных цивилизаций,
Кибернетика с клешнями, механический волчок.
Умер их собравший гений,
стал звеном реинкарнаций,
А игрушки всё гуляют, срок завода не истек.

Ночью пляж совсем безлюден,
только фантики и пробки.
Их сканирует без смысла пучеглазый аппарат.
Безнадежно раздаются позывные в круглой рубке,
Их никто принять не в силах...
космос пуст...
безбрежен мрак...

Превращение

Личинка человека в животе
Другого человека вяло бьется,
Как бы пульсирует в густой воде
И в зыбкой темноте его смеется.

И чувствует, как входят никотин
И алкоголь в ее белесый кокон.
И безотчетно радуется им,
Впервые упиваясь горьким соком.

И слышит музыку и дальний гром,
Вибрацию земли и низкий голос
Того, кто стать готовится отцом
Ей, куколке, когда, покинув лотос

Родного чрева, на открытый грунт,
Хвост упразднив и жабры, скользкой, голой,
Она толчками выйдет в пять минут
Седьмого и уже продолжит путь
Ребенком... русским... мужеского пола...

* * *

Где червь прокладывает кабель
На ощупь в вечной темноте,
Где жизнь ютится в виде капель
И в виде блеклых макраме,

Где ровная температура
И влажности высок процент,
Где флора как макулатура,
А фауны почти что нет,

Где нижние роятся шрастры,
Своею мистикой маня...
Быть может, в том безмолвном царстве
Найдется место для меня.

Я буду там подземной лодкой,
Не выставляя перископ,
Плыть в толще грунта на восток
За тоненькой перегородкой
Из свежеструганных досок.

* * *

Огонь, как гребенка, проходит сквозь стог,
Что и муравьишки в себе не сберег,
Что в тыщах своих лабиринтов тенистых
И в бункерах сладких, тоннелях душистых
Не спрятал ни гусениц, ни косиног.

Не выскочит совка сквозь искр пургу,
Колдун-скрытнохоботник и долгоносик —
Как Бруно, семь пядей в фасеточном лбу, —
За веру свою полыхают в стогу,
И ветер их пепел священный разносит.

И к звездам уносит уже налегке.
А сено дымит с придыханьем и свистом,
И дивно тем дымом дышать трактористу
С хабариком намертво сжатым в руке.

* * *

Проснулась бабочка... жизнь началась.
Над полем смутно чудится угроза.
Улитка, что на стебле запеклась,
Под утро расцветает, словно роза.

Вытягивает венчики рогов
Навстречу солнцу молодому чутко,
Разматываясь медленно, как будто
Бикфордов шнур. И тысячи мотков

Катятся в травах, скользкими следами
Бинтуя землю туго вкривь и вкось.
Но широко над полем, как цунами,
Безмолвно надвигается покос.

Экскаватор

Как гранит на свежем сколе,
На морозе снег блестит.
Экскаватор мерзнет в поле,
Промерзает до кости.

До последней гайки стынет,
Где его застал инсульт.
На смерть в белой встал пустыне,
Локтевой сустав согнул.

Не пытаюсь скрыть увечье,
Он имеет вид такой,
Словно под стеклом кузнечик
Спит с оторванной ногой

На слепой игле... Ах если б
Он себе признаться мог,
Что проигран тот армреслинг
С котлованом, видит Бог.

Если б просто не забыл он:
 $E=Mc^2$,
То насколько б легче было
Ему в поле умирать.

* * *

У меня под плинтусом живет
Рыжий невоспитанный народ.

Только я за дверь — они к столу,
Пожирают сахар и халву,

Беспардонно, злобно, на бегу.
В общем-то понять я их могу,

Каждый ведь из них до тошноты
Полон муравьиной кислоты.

Муравейник

Сторукий осьминог живет в корнях
Замшелой ели под прикрытием леса,
Как бы на дне скрывается впотьмах,
Подводный мир травы ему завеса.

Огромный муравейник, будто спрут,
То в щупальцах цепочек муравьиных
Притащит бабочки ворсистый труп,
То иглы, то обрывки листьев винных.

Я на него нечаянно набрел,
Под вечер сыроежки собирая,
И ощущение истины обрел,
Ее во всем вокруг подозревая.

Не зная элементов и основ
Руководящих жизни механизмом,
Я все же был наполнен жгучим смыслом
При созерцании малых муравьев.

* * *

Мне известны привычки стрекоз
и архитектура любой паутины,
Где барокко, а где классицизм...

но, боюсь, не в коня этот корм.
Мне познания сии ни к чему,
а тому слишком вески причины —
Постарел и устал, я уже вне игры, и при том

Я не чувствую запах шалфея,
не слышу, как тает комета,
И не вижу, как трудно циннии
удерживать шмеля на весу...
А в детстве электричество казалось желтого цвета
И с полосками, похожее на осу.

А лягушка была похожа на взрослого дядьку,
Влезшего на трехколесный велосипед.
Все прошло, я — тучный
и лысоватый, привыкший к порядку,
Сыну уже своему разогреваю обед,

И из ствола пистолета вытаскиваю занозу,
Когда сын стреляет из пальца в друзей со двора.
Время, увы, жутковатый хирург,
хотя действует вроде наркоза,
Так, наверно, стихи под конец упираются в прозу
И мимо проходят Азорские острова.

Раздел пятый «МГНОВЕНИЕ ОКА»

* * *

Созерцайте вершины деревьев, объятые светом,
Колебания влажного полные чаши в прогретом

Безграничном,
 пронизанном светом июльском пространстве,
В изумрудных, роскошных лучах,
 в хлорофилловом пьянстве

Сколь простое на них любованье терапевтично,
А застрявшая в локоне кроны заколочка птички

Столь, должно быть, полезна душе,
 тосковавшей пол-лета,
Так, должно быть, целебна,
 что вряд ли я выражу это.

* * *

И вновь провинция глухая
Во мне усиливает слух,
В июльский ветерок макая,
Как в ванну с головою, мух.

Покоятся на травах нищих
Коровы в ржавых пятаках,
Как будто лодки кверху днищами,
Оставленные гнить в лугах.

И пузырек бусла над ними
Легко дрожит, как ватерпас.
Он познает наклон равнины
И высотой лечит глаз.

И полдень длится бесконечно,
Переливаясь через край,
Мешая с белорусской речью
Мать-мачеху и молочай.

Клен

Теперь воздушный клен полнеба заслони,
В корону превратил взволнованную крону,
А был, как мальчик тих и из последних сил
Все веточки, дрожа, тянул по небосклону.

О, как он стал широк и непрогляден как,
А был недавно слаб, и листьев было мало.
Так мал огонь свечи, но в ворохе бумаг
В мгновение одно взлетает до пожара.

Горит, пылает клен, и раздувает ветер
Сто жарких языков густым зеленым вихрем.
Быть может мы, душа, с тобой (ты только верь),
Пусть хоть в конце пути, как клен,
прекрасно вспыхнем.

* * *

Бледный ангел цветов полевых
Проплывает по лугу ромашки.
Сколько пятен и дыр пулевых
На застиранной белой рубашке.

Бедный ангел российских полей,
Словно с ели упавший соенок,
Заблудился в отчизне моей,
И взлететь не хватает силенок.

Не подняться в родимую высь.
Он один, сиротинка, на свете,
Как о Господе робкая мысль
Комбайнера на дискотеке.

Сорняк

Сорняк вцепился в землю пятерней,
И выданный — такой же точно крепкий,
Что и при жизни вольной, корневой,
Назло нитратами надутой репе.

Он свеж на грядке, бодр и на штыке,
И на краю компостной кучи весел,
Удерживая землю в кулаке
Намного больше собственного веса.

Под Рощино

Дачный массив. Еле видимые за листвою
Низкие домики, словно грибы из-под мха.
Слышен транзистор и лай, одинокий такой.
Бревна, кирпичные кучи, да два-три дымка.

Есть в этом что-то от древних стоянок времен
Палеолита. Как раньше оленя несли,
Так в деревянных носилках таскают бетон
Люди косматые, все в первобытной пыли.

Солнце садится за сосны, и в сумрак лесной
Первые звезды сигают безмолвно с высот.
Замерло все. Еле слышно под теплой землей
Кашляет в норке червем подавившийся крот.

На даче

Вода забивается в носик лейки,
Как воздух не выдохнутый из флейты.
Десяток выплеснутых головастика
вздрагивает на земле.

Просвистит оса,
закрученная еще в сотовой ячейке,
Словно пуля в стволе.

И как водится после полива —
сгущаются тучи немножко.
В дом скорее заносятся грабли, лопаты и кошка,
Исчезают бабочки — порхающие цветы.
И червяки выползают под дождь на дорожку
Бесмысленно,
как выбрасывающиеся на берег киты.

* * *

Диплодок тепловоза дает бесконечный гудок.
Грузный выродок, ржавое ископаемое
Покидает депо, изрыгая струю ядовитую нот,
Безнадежно ища свою вымершую компанию.

От подруг его только зоологи тащатся в снах,
А друзья свои кости засеяли в юрском периоде.
И трясется платформа, и доисторический страх
Посещает диспетчершу,
шепчущую: «Черт поberi его!»

Лишь обходчик когда-нибудь,
если уж так повезет,
Из кустов наблюдая, увидит его ночью черною,
Как он пастью щербатую рельсы студеные пьет,
Одиноко скитаясь
в бескрайних снегах под Печорою.

* * *

Такой мороз влупил в тот год,
Такой пошел облом,
Что даже утки вмерзли в лед
Под каменным мостом.

И каменел в желудке чай
На утреннем ветру,
И к рельсам примерзал трамвай,
Как губы к топору.

Не встретишь во дворе кота,
Нигде не видно птиц,
Весь город был храним тогда
Стараниями ТЭЦ.

Такой мороз был — снег и лед,
И мгла со всех сторон,
Что, верно, в Питере в тот год
Мессия был рожден.

* * *

Январский суетный снежок
На ветке клена
Ворону треплет, как флажок.
Держись, ворона!

Держи прямее длинный нос
Всегда по ветру
И пистолетом черный хвост,
Крыло — конвертом.

Будь неотправленным письмом
Подвальным кошкам,
Собакам, для которых дом
Остался в прошлом.

Стань символом больных бродяг,
Мечтой бездомных.
Да не уронит этот стяг
Клен занесенный!

* * *

Брандмауэр... лишь два окна вверху,
Скорей бойницы даже, а не окна.
Каких осад в них ждут, когда в пургу
Жгут тусклый свет за шторок поволокой?

Какой же натиск сдерживают там?
Во что жильцы так намертво вцепились?
А снег идет, как после всех программ
По телевизору мерцанье пыли.

Умом масштабов этих не постичь —
Безбрежная пурга в ночи безбрежной.
Лишь два окна прозрели сквозь кирпич,
Как бабочки дрожат в снегу над бездной.

* * *

Зимою этой умер старый дуб.
Застыли летаргические ветви,
Но, четко вписанный в небесный куб,
Образовал он нечто вроде клетки

Для вольных птиц, что иней всласть клюют
За прутьев кружевным переплетеньем
И сотрясают воздух, и цветут,
Как зимние крылатые растенья.

То соек голубые лепестки,
То снегирей пылающих соцветья...
О, только не устань, мой дуб, цвести
На хрупкой грани этого бессмертья!

Сова

Под сосной две строчки лиса,
След, заверенный лосем,
Властно сбоку снег подписан
Алюминиевым пером.

Длиннохвостая неясить
С головою на оси
Бурой кровью мыши красит
Чешую сухой сосны.

Длиннохвостая неясить,
Пасти костяной крючок.
Нет той рыболовной снасти
Для мышей страшной напасти,
Что бросаются в снежок,

Уходя под наст глубоко
И всплывая без кругов.
Всех их зрит незримым оком
Серебристый мышелов.

Мягкий отказ от рифм

Печка хрустит суставами.
Чайник, едва вскипев,
Учится правописанию
Мягкого знака в конце

После шипящих. Все чаще
Колоются в стену часы.
У двери свернулась собака
Ковриком шерстяным.

Дача скрипит, засыпая.
Слезы глотает свеча.
Лунная пыль оседает
На стоптанных башмачках.

26 апреля

В апреле зацветает даже воздух,
Как водоем — всё в паутинках, ряске.
Колышется квартира. Так сквозь воду
Нерезки контуры, неброски краски.

В горшках цветочных мушки появились
Альтернативной новой формой жизни.
Не сеял их никто, но что есть силы
Они цветут. Левкой куда капризней.

От сырости балконы набухают,
Как почки. Лопаются вакуоли.
Половики старушки выбивают
И аплодируют весенней моли.

Клаустрофобией больна картошка,
Синюшные протягивает ручки
Со дна корзины темной. Даже кошка
Не исполняет больше роль подушки,

Как зверю и положено — звереет,
Со шторы на диван перелетая.
И только паровые батареи
В весну не верят, кипяток глотая.

10 мая

Начало мая.

Иней по ночам еще серебрит
Первые сорняки на грядках,
Но лягушки уже балдеют всюю,
И можно подумать,
Что у объевшегося пруда бурчит набитое ряской
брюхо.

Луна желтеет, словно глазунья,
Заплывшая по левому краю
Беконом облака.

Немногочисленные дачники
Затапливают печки,
И кажется, что домики,
Пыхтя трубами,
Как пароходы,
Отплывают против течения тумана,
Покачиваясь на торфяных грядках.
Флотилия строений
Погружается постепенно в пучину леса.
У меня, воевавшего весь день с дерном,
Уже нет сил писать в рифму,
И я, как последний лентяй и любитель,
Сочиняю этот верлибр, тихо радуясь,
Что мне не придется работать
Даже над размером.

* * *

Медленно в собственном плаваясь соку,
Бледные звезды легко растворимы.
Быстро светает, и на берегу
Каждая мелочь становится зримой.

Птица ступает по талой воде
Так аккуратно и осторожно,
Как переворачивают на сковороде
Оладушки острым ножиком.

Берег Невы затопляет рассвет.
Глохну я в этой тиши, замирая.
Кажется мне, что меня больше нет,
Вот оно странная штука какая.

Комаровские прогулки
(поэма)

Качаются в сырых потеках тучи,
Раскрыты сосны, словно нотный стан,
Еще скворец пиликает «с листа»,
Еще им певчий воздух не разучен.

Июльский воздух светел. На ветру.
Под солнцем выпуклая, словно лупа,
Маркизова поблескивает лужа
Зеленоватой мутью сквозь листву.

Мы часто с пригородной электрички
До берега доходим по привычке,
И непонятно, то ли дождь, как хлыст,
По нам засвищет, то ли торопливо
Пройдет левее, где-то над заливом.
Шершава даль и горизонт нечист.

Шершава даль и горизонт нечист,
Но, кажется, наладится погода.
С утра скворец отчаянно речист.
На всем печаль особенного рода.

Искрится тонкой паутинки нить,
И облака порозовели с краю,
Дабы букашек мелких не давить,
Я по тропинке медленно ступаю.

И ветер мотыльков сбивает в стаю.
И вот уже на солнышке сверкают
В ушах травы росинки ярче клипс.
И небеса у нас над головами —
Не серый бархат, даже не пергамент,
Так — ватмана обычный гладкий лист.

«Так ватмана обычный гладкий лист, —
Ты говоришь, — холста уместней будет!» —
«По мне тут все же лучше масло, кисть...» —
«Да брось ты! С маслом вся печаль убудет». —

«Ой, я с тобою спорить не готов». —
«Волошинские вспомни акварели». —
«С Волошиным стрелялся Гумилев...» —
«При чем здесь это? Кстати, вот пастели!

Здесь только мягкость нужно передать,
Размытость красок, берег и гряда
Неспешных облаков. Воды и суши
Не противостоянье — паритет.
И воздух, словно притушили свет,
Коробится от черной влажной туши».

Коробится от черной влажной туши,
Наползшей животом на небосвод,
Глазурь залива. Медленно плывет
К Кронштадту катер, вида не нарушив.

А с Турухтанных островов сюда
Идет рыбацк под парусом бесшумно.
И больше никого. Легко, бездумно
Ощупывает камушки вода

И, выбрав нужный, тихо забирает,
И тут же ненадолго замирает.
Дождя уже не будет, видит Бог,
Хоть ты и ходишь с расчехленным зонтом.
И там, вдали, над самым горизонтом
Еще каскад штриховки не просох.

Еще каскад штриховки не просох,
А ты уже рисунок смяла, бросив.
Я подберу. Вон муравей присох
К пейзажу в уголке. Сырую осень

Ты все рисуешь, хоть стоит июль.
Особенность души или усталость?
Даль прячется за плотный легкий тюль,
Наверно дождь нас все же смочит малость.

Как ты права, что зонт взяла с собой.
Еще совсем не хочется домой,
Что ж, на рисунке мы разложим ливер,
Бутылки, булку, сыр и всё, что есть.
Осталось мало времени... И весь
День сделан, как набросок торопливый.

День сделан, как набросок торопливый.
В нем проступает сквозь дымок, слегка
Недельная щетина тростника
На скулах посеревшего залива.

Спирально крутит стайки комаров,
И в небесах, поскрипывая, ели
Елозят, ввинчиваясь еле-еле
В тела сырые полных облаков.

И этот день уже вчерне готов,
Добавлю только парочку альтов
В редющей траве грудных, шмелиных,
Да чайку на кривых ногах, анфас,
Да несколько оставшихся от нас
На скомканном песочке пробок винных.

На скомканном песочке пробок винных
Набросано, а над одной, как кран,
Достраивающий индусский храм,
Пьет косиножка на ходулях длинных.

«Смотри-ка, развиднелось, и луна
Одновременно с солнцем тускло светит.
И можно даже ангелов заметить». —
«Всё пустяки, хлебни еще вина». —

«В рукав попала хвойная иголка
И колется. А времени-то сколько?» —
«Не все ль равно... Вот сосны, камни, мох,
Залив и берег. Времени здесь нету». —
«Попробуем определить по небу.
Пожалуй, что не больше четырех».

Пожалуй, что не больше четырех
Закрученных, как домики улиток,
Белесых пробок... Черт их разберет,
Где те, что мы здесь бросили. Напиток

Был легок, радостен, как пенье птиц.
«Ты слышишь гул? Не бойся — шмель, конечно.
Ведь шмель — он одноразовый, как шприц,
Ужалить он и сам боится вечно».

Залив о берег оперся беспечно.
А выше, еле видимые в млечном,
Безбрежном небе, на постах своих
Мелькают сонмы ангелочков резвых,
Хранителей веселых и нетрезвых...
Но наших только парочка из них.

...Но наших только парочка из них...
Запутался. О чем я? В жестких звеньях
Подобной формы, чуждой новизны,
Не избежать натяжек повторенья.

Читатель к этому уже готов.
И ждет давно прокола и осечки.
Мне наплевать. Мы ходим без часов,
Счастливые и пьяные овечки.

Пустынный берег далью зренье лечит.
И здесь, сейчас, сквозь этот мягкий вечер
Угадывается какой-то стык,
Неявно проходящий через лето,
И вся природа понимает это.
Залив утих. Прибой — как нервный тик.

Залив утих, прибой, как нервный тик,
Чуть вздрагивает. И листва немеет.
И все пространство, проглотив язык,
Перед дождем поднять глаза не смеет.

И ждет песок ранений пулевых
От капелек. Бег резко остановлен
Трав перистых, деревьев кучевых,
И воздух, словно веточка, надломлен.

Не различим за маревом Кронштадт,
Мерцает тускло солнце в сорок ватт.
И мертвую закручивает петлю
Последний двухмоторный шмель, как ас,
И небо разбегается, смеясь,
И, поскользнувшись, падает на землю.

И, поскользнувшись, падает на землю,
Как искра, капля с чашечки листа.
Тарковщина какая: дождь... вода...
«В “Солярисе” ты помнишь эту тему?» —

«В нем поразила мысль меня навек,
Что человеку ни с пришельцем дружбы
Не нужно, ни миров других, а нужен
И интересен только человек». —

«Эгоцентристы, даже не поморщась,
Во всем мы ценим лишь антропоморфность.
Вот и сейчас, смотри, там, словно бомж,
Упал, ладонями закрывши веки,
Цепляясь за обломанные ветви,
Лицом в колючий ельник пьяный дождь».

Лицом в колючий ельник пьяный дождь
Упал-таки, хотя, полдня шатаясь,
Уже почти ушел отсюда. Что ж,
Мы переждем. Я, капельки глотая,

Волошина припомню наизусть.
Как он писал, от строк своих хмелея,
О бездне волн и о стихиях, — пусть
Отсюда далеко до Коктебеля.

Ты говоришь: «Зануден он». — Я верю,
Хотя себе представить и не смею,
В какие он миры тогда был вхож,
Творя. И на его творенье тоже
Чудно здесь каждая волна похожа,
И в гальке каждый камушек похож.

И в гальке каждый камушек похож,
И облаков другим подобны груды,
И в перелеске, сквозь листвы галдеж,
Стволы неотличимы друг от друга.

Не различить, где нос, а где корма,
Волне, что лодку грузную пинает;
Природа древняя глухонема,
Она себя не видит и не знает.

Лишь человек выходит на залив
И видит каждый стебель, каждый лист
Детально, так, что дрожь бежит по телу.
Бредя по мокрой гальке, может быть,
Лишь человек боится наступить
В подсветке брызг на маленькую гемму.

«В подсветке брызг на маленькую гемму,
Возьми ее, она теперь твоя,
Там вырезаны тонко ты и я
На яшме под дождем. Как теорему

Ее когда-то мастер доказал,
Иглою и резцом фактуру камня
Предугадав. Там весь залив — как капля
Густая и прозрачная, так мал.

Сей камень заменял мне талисман,
Он твой теперь, захочешь — по волнам
Запустишь, блинчики считая, — круче
Никто не потешался надо мной.
Молчишь, и целый день над головой
Качаются в сырых потеках тучи.

Качаются в сырых потеках тучи,
Шершава даль и горизонт нечист,
Так ватмана обычный гладкий лист
Коробится от черной влажной туши.

Еще каскад штриховки не просох.
День сделан, как набросок торопливый.
На скомканном песочке пробок винных
Пожалуй, что не больше четырех.

Но наших только парочка из них.
Залив утих. Прибой — как нервный тик.
И, поскользнувшись, падает на землю
Лицом в колючий ельник пьяный дождь.
И в гальке каждый камушек похож
В подсветке брызг на маленькую гемму.

Из книги «ВОЗДУШНЫЕ КОРИДОРЫ» 2011 г.

* * *

А снег не выпал и на Рождество,
Как долгожданный козырь из колоды.
А выпало бесснежья торжество,
Как гордое безденежье природы.

Морозцем, как рубанком, на ветру
Снимает стружку с набожных прохожих.
В такую ночь, я знаю, что умру,
И то, что «весь умру», я знаю тоже.

* * *

Мне долго ангелы шептали:
«Ты избранный, ты не такой,
Как все. Иди по вертикали,
Мы заняты твоей судьбой.

Пускай здоровьем ты не пышешь,
Не сильный голос пусть, а все ж,
От Бога все, что ты напишешь
И даже что произнесешь»!

И я б, наверно, им поверил,
(Что оставалось, право, мне?)
Когда б ни санитар у двери
И ни решетки на окне.

К 33-летию

Я умирал четыре раза
И в пятый раз живорожден.
Итог обычного распада,
Деления ядер. И сожжен

Четыре раза в топках клеток.
Я, как Лазо за коммунизм,
За жизнь свою сгорел конкретно,
Поскольку каждый организм

Раз в восемь лет меняет клетки
И порождает двойника,
Все ткани обновив и слепки
Сняв, точно мерки, с ДНК.

И если я еще не спятил,
Тогда, наверно, без прикрас,
Назваться Алексеем Пятым
По праву должен в этот раз.

Наверно, так же птица Феникс,
Из пепла возродясь едва,
Поет: ведь ей огонь до фени,
Поскольку только им жива!

Без клятв и обещаний лишних
Своим я верен мертвецам,
И дело четырех погибших
Ахматовых я не предаю.

И хоть меня никто не просит,
Я продолжаю их труды:
Ищу ответ на их вопросы
И плавлю сталь из их руды!

* * *

Мои стихи из сора не растут.
Они растут, скорее, из позора,
Из воспаленной совести. Измором
Они меня, как правило, берут.

Что одуванчик или лебеда?!
Для хищных строчек нету лучше яства,
Чем на душе измучившейся язва,
Чем сердце сокрушившая беда.

* * *

Не знаю, как на самом деле нужно,
Но, думаю – я жил совсем не так,
Как в переводе Пушкина натужно
И строго завещал Гораций Флакк:

Веленьям Божьим не был я послушен,
Страшился, часто требовал винца,
Ни похвалы не принял равнодушно,
Ни клеветы, оспаривал глупца.

И поручиться за тунгуза смело
Не смог бы я, считая в тот момент,
Что для поэта все-таки не дело
Себе до смерти ставить монумент.

* * *

Пришел с обидой в Божий храм:
«Что делать, вразуми, Владыко.
На службе я страдаю дико,
Начальник мой – подлец и хам!

Терпеть – еще куда ни шло!
Простить – формально принимаю,
Но одного не понимаю –
Как мне молиться за него?».

Но... пересилил боль в висках,
И бурю подавил сомнений,
И стал на чашечки коленей,
Свою гордыню расплескав.

Причины смерти

В каталажке архангельской бомж
Спал и видел коттедж на Рублевке,
А в Москве одному из вельмож
Сон явился, что он в уголлке

Под Архангельском где-то гниет.
Так они на российских просторах
Сны свои запустили в полет,
О воздушных забыв коридорах.

И, как следовало ожидать,
Над Строчакином сны их столкнулись
Ночью, двум самолетам под стать,
И хозяева их не проснулись.

Баня

Готовы веники. Пылает
Береза в каменке. Точь-в-точь
Как белый однотрубный лайнер,
Отчаливает баня в ночь.

Спирт мается в стакане, пленный,
И пузырится чашка слив,
Дымятся мидии пельменей,
Тела в жемчужном тесте скрыв.

Зеленый лук щекочет блюдо,
Клыки белеют чеснока.
Еще какое нужно чудо,
Чтоб выйти из депресняка,

Найти для новой жизни силы,
В борьбе с собой же устоять;
Чтоб этот далеко не милый,
Недружественный мир принять?!

* * *

Памяти Алексея Леонова

Ворона конструирует гнездо
В архитектуре ветреной березы,
И это привнося в него, и то.
А дерево, страдая от артроза,

Скрипит, но терпит зуд ее трудов,
Хрустят сухие сучья, как меренги, –
Так терпит дом, построенный Кваренги,
Вмешательство позднейших мастеров.

Все это жизнь у жизни на плечах
И жизнью жизнь поправший птичий лепет...
Гнездо, как будто круглая печать,
Удостоверит – смерти нет на свете.

1 апреля

Небо. Солнце. Первое апреля.
Я с собой не в силах совладать
В этот день, как водится, не веря,
Что возможна эта благодать.

Тонкими ветвями, как корнями,
Дерева вырастают в неба синь,
Облака царапая краями
За зиму зазубренных вершин.

Первое апреля... Воробьями
Звонко плодоносит каждый куст.
Думаю, что этими речами
Был бы тронут даже Златоуст.

Я и сам весной сегодня тронут
И как будто тронулся умом –
Шляпу надеваю, как корону,
Выходя за новеньким стихом.

Вербное воскресенье

Еще было зябко ночами,
Но кругом пошла голова,
Доверчивыми язычками
Газон облизала трава.

В весну только ветер не верил,
Из кожи в сомнениях лез,
А утром на веточках вербы,
Сошедшей, казалось, с небес,

Вдруг почки, как раны открылись,
И ветер вложил в них персты,
Уверовать искренне сияясь
В пришествие новой весны.

7 мая

Как малый ребенок, затих ветерок.
Обычный полдень. Седьмое мая.
Солнце плавленное, как сырок.
Дымится земля сырая.

Подсолнечный воздух слаще халвы,
Чудно под резиновым ботом
Червь крутит восьмерку и ждет похвалы.
Что ж, на, получай, заработал!

Кипит муравейник, волнуется шмель,
Щетинятся кочки.
Узлы стеблей, корней вермишель
И сочное мясо почвы,

Как ложкой, черпаю лопатой со дна,
Вспотев без рубахи.
Шесть соток моих превратила весна
В густые чанахи.

31 мая

Земля в перехлестах корней –
Рассыпчаты древние руны,
Распаханных грядок буруны
По полю бегут – кто быстреей.

Как быстро отходит земля
От груза снегов многотонных,
В канавах проснулись тритоны,
На солнышко вышла змея.

Как будто кто снял поясок –
Распахнут халатик тропинки,
Лесок, голубеющий в дымке,
Еще до конца не просох.

Еще моралист муравей
В преддверии лютых морозов
Не учит вокальных стрекозок
Плясать под дуду январей.

Еще пленка бьется лещом
На остовах шаткой теплицы,
Еще неуверенны птицы,
Еще, и еще, и еще...

Луга

Где лезвия осок
Диск солнца наточил,
Парит речной песок
И подсыхает ил.

Болотцев варикоз,
Ручьев распухших плеск.
Змеится Луга вскользь,
Волны призывен блеск.

И щука головой
Бодает гладь воды,
И комаров конвой
Преследует, как дым.

И пеньем птиц насквозь
Проколоты леса,
От стрекота стрекоз
Щекотно небесам.

Травы линиялый шелк,
Тельняшки тучных пчел,
И кое-что еще,
Чего я не учел.

Точней, сказать не смог
Ввиду тех скромных сил,
Что милостивый Бог
На бедность мне ссудил.

У рекламы кока-колы

Что нынче говорят про книжки?
Что, глядя в книгу, видишь шиш.
Советуют: найди под крышкой
Поездку на футбол в Париж

Или в Милан... А ты не слушай.
Давай с тобой поговорим,
Как золотой телец разрушил
Наш третий и последний Рим.

Как гениально нас надули
Свободным сексом и джинсой
И как «жуки» из Ливерпуля
Нас уничтожили с тобой.

И как мы жвачкой залепили
Путь к звездам. Встал наш марсоход.
Мы это сами так решили
И сами не пошли вперед.

Теперь раскинь своим умишком
И ты поймешь, товарищ мой,
Какая тварь под каждой крышкой
Ведет охоту за тобой.

2009

Дело к двенадцати. Год проводив,
Новый встречают под клекот стаканов.
Сколько побед записали в актив?
Сколько повычеркнули из планов?

Гусь на столе, как и спор за столом,
Жарок, но душу не греет мне боле.
Господи, темень какая кругом!
Нет ни покоя на свете, ни воли.

В небе смурном не увидишь звезду,
Да и не ищет никто, в самом деле.
Счастья вам, милые, в Новом Аду,
Нового счастья, коль старым объелись.

* * *

Они живут в стране, страной
Питаясь, словно черви в груше,
Но ненависть им сушит души
К плоду, что жрут они гурьбой.

Про грязь и гниль наперебой
Твердят, пока их не раскрыли.
А может, все причины гнили
В их деятельности гнилой?!

Белый шум

Топорщась острыми углами,
Подобно авиамоделям,
Созвездья медными гвоздями
Прибиты ночью к капителям

Сосновых тел, чья колоннада
Безмолвно, словно неживая,
Кругом, где надо и не надо,
Толпится, поле обступая.

Лишь слышен шепот полуночный
В траву зашитых насекомых.
Ковер их суеты роскошный
И с детства каждому знакомый

Щекочет мягким ворсом уши,
И копошится в лунном свете,
Собою все пространство глушит,
И заполняет все на свете.

Как радиомаяк, планета
В ночи сигналы излучает,
Шарообразный шум все лето
Бездонный космос изучает.

* * *

Течет ручеек муравьев по коре,
Подставив рабочие спины заре,

Бредут по тропе одиночки и пары -
Солдаты, строители и санитары.

Бригада рабочих числом в миллион,
На совесть из сора мастрит Вавилон.

Но Бог почему-то им это прощает,
Возможно, он только людей замечает.

Для Бога, конечно, не важен размер,
Но все-таки предположу, например,

Что с той высоты различить очень трудно
На цирлах пред ним или же на котурнах

Строитель, что меньше, чем стройматериал,
Из коего он себе дом изваял.

Когда же под вечер в родную обитель
Вернутся козявки, то им предводитель

Расскажет, расправив антенны усов,
Как труд из личинок создал муравьев!

* * *

Он попрошайничал открыто
В приморском парке, где мангал,
И пляскою святого Витта
Всех отдыхающих смущал.

Ему кричал я у мангала:
«Привет, любитель шашлыков!»
Он жил хореей Сиденгама¹,
Хотя и не писал стихов.

И видеть было интересно,
Как страстно он себя ведет:
То воздуху погладит чресла,
То ветру юбку задерет.

Танцуй, старик, вполоборота,
Лови руками пустоту,
Тебе, наверно, слышно что-то
То, что находится по ту,

Иную сторону, за гранью,
Куда нам просто не пролезть,
Ведь мы те ритмы по незнанию
Воспринимаем как болезнь.

¹ Быстрые, произвольные, некоординированные движения, подергивания конечностей и т. п.

* * *

Ты хочешь, чтобы по заслугам?
Чтоб по способностям, мой друг?
Чтобы за этим адским кругом
Не начинался новый круг?

Ты хочешь правды, друг любезный?!
Когда б все было, как должно,
Мы б не заглядывали в бездны,
И вообще с дерев не слезли,
И вымерли б уже давно.

* * *

Как было страну полюбить тяжело,
Когда она в силе и славе
Над частью шестой простирала крыло,
Грозь недовольных ораве.

Когда о стихах шел кругом разговор,
Вверх лезла доходов кривая,
Как было из дому не вынести сор,
Отчизну за дело ругая?!

И как невозможно ее не любить,
Когда закрома и карманы
Пусты и ленивый лишь не берedit
Ее незажившие раны.

* * *

Кто стер население с целого материка,
Покаяться нас призывает, кто работоторговлю
Считал за пустяк, кто колонии грабил века,
Дает нам уроки свободы с горячей любовью.

С экранов твердят: все, что создали
тяжким трудом –
Плод крови и страха,
а не результат вдохновенья.
Но именно те, кто народ оглушает враньем,
Всех громче кричат
о невиданном нынче прозренья.

И Грозный у них – параноик, и Сталин – злодей,
Любой собиратель страны хуже тиранозавр.
Но те, кто сегодня поет про былых палачей,
И есть палачи беззащитного нашего завтра.

Итог очевиден – в руинах лежит Третий Рим,
Не пашем, не сеем, жать нечего, армия куца,
Вся наша вина только в том, что поверили им.
Пора просыпаться, пока еще можно проснуться.

Немного о любви...

1.

Он сидел на скамеечке в парке
и беседовал оживленно
С собственным кулаком,
и тот ему отвечал старательно.
Что конкретно – было не разобрать,
но что-то злое определено,
Как это свойственно всем кулакам,
ведь на них бесполезно орать, но

Он кричал и всхлипывал в свои
плотно сомкнутые пальцы,
И грозил кулаку кулаком, и смахивал крупные
слезы.
Я подошел поближе, хоть понимал,
что невежливо пялиться
На человека, адресующего своим конечностям
претензии и угрозы.

И до меня донеслось: «Ты, только ты мне нужна,
вот в чем фокус,
А не стирка и глажка рубашек,
и не твои макароны!»
И он стиснул кулак настолько, что хрустнул
пластмассовый корпус
Не то «Алкателя», не то «Моторолы».

2.

В общем-то, ничего особенного,
сюжет почти никакой.
Эту историю мне рассказала знакомая педикюрша:
Пришла к ней наведни женщина,
слезы текут рекой,
Потерянная, словно шлюпка, сошедшая с курса.

Потребовались носовые платки, полотенце, вода,
Долго ее утешали, разыскивали валерьянку,
И женщина рассказала, какаястряслась беда:
Последняя стадия рака у мамы;
в хоспис свезли ее спозаранку.

Об остальных подробностях этого дела я умолчу,
И так все понятно тому, кто хоть чуточку чуток.
Скажу лишь, что вызвали женщину к главврачу
И говорят, мол, матери жить осталось
не более суток.

Вот и конец истории.

Скажете, что здесь такого, мол?
Истории в жизни бывают и поинтересней.
И я б согласился, если бы монолог этой дамы
не произошел
В модном салоне на педикюрном кресле.

Плацкарт

Поезд из Линахамари
В Африканду. Кольский край.
Сопки утренние в хмари,
Верхней полки жесткий край.

Супротив меня девчонка
На простынке белой спит.
Закаталась рубашонка
От бедра – и этот вид,

Как забыться ни пытаюсь,
Тянет жилы из меня.
Деть куда себя – не знаю,
Мысли плотские кляня.

Розоватый стан шикарный
Чуть покрыли мураши...
Миновали Заполярный,
Проезжаем Мурмаши.

А она, полунагая,
Спит, прекрасна и горда,
И что я, огнем сгорая,
Рядом сладко умираю,
Не узнает никогда.

Дачное

Я пил портвейн, а ты курила,
(Амур уже припал к цевью),
А банка с блямбой «Тиккурилла»
Служила пепельницею.

Ногтем по краю жестяному
Вела ты и, смотря во тьму,
Адресовала жест иному,
Не мне, казалось, а тому,

Кто слушал, прячась у веранды,
Как у раскрытого окна
Клялась, что мужу так верна ты,
Хоть было ясно – неверна!

Что ж, это все – литература...
В реальной жизни наповал
К утру лишь арбалет амура
Твои тирады оборвал.

Осень

Что тоска – не прав Плещеев,
Не уныло! В пух и прах
Дерева, стволы ощерив,
Жгут костры на площадях.

Стачка кленов на проспекте,
С транспарантом каждый куст.
Нынче красный в пиетете,
Нынче желтый лег на вкус!

Ясно всем – такая мода,
Русским бунтом отдает,
Не смиряясь, зиме природа
Власть с боями отдает.

* * *

С. К.

Битый час под дождиком отвесным
На тебя смотрю через витрину
Нашего кафе на Старо-Невском,
Продлевая наших встреч интригу.

Ты сидишь с бокалом мукузани
И меня лениво поджидаешь.
И, стреляя карими глазами,
Равнодушно раненых бросаешь

За соседними столами. Томно
Пальчиком играешь с пробкой винной.
О, нужна большая искусственность,
Чтобы выглядеть такой наивной.

Но как ни прекрасна ты, а все же,
Даже под угрозой расставанья,
Ты, увы, дать больше мне не сможешь,
Чем я взять сегодня в состоянье.

* * *

Февраль на улице Большой Пороховской.
Здесь, как в вагоне электрички, тошно,
Когда в ней песню заведет слепой
Про «человека с кошкой у окошка».

И это, в самом деле, символично, коль
Гора рождает мышь. Пороховская
Способна породить лишь только «Ноль».
(Была рок-группа странная такая.)

Единственное, что вселяет оптимизм, —
Плакатик с надписью высокопарной:
«Избавим от страданий». Сей девиз
Над клиникой висит ветеринарной.

* * *

Раньше каждым поступком меня
И друзья, и враги создавали.
И события каждого дня
Мне уверенно сил добавляли.

На постройку растущей души
И паденья, и даже потери,
Словно бревна сосновые, шли,
Возводя этот внутренний терем.

А теперь – разрушает вина,
Да и радости много не значат.
С каждой раной все меньше меня,
Все печальнее с каждой удачей.

Ощущаю физически, как
С каждой новой разлукой и встречей
Я теряю свой мир по кускам,
Безвозвратно себя покалечив.

Видно, время подумать о том,
Что и я оказался не вечен...
Жизнь живьем пожирает мой дом,
Ну, а мне защитить его нечем.

Одиннадцать прощальных стихов Е. Ж.

1.

Танцует дерево в камине,
Как раньше с ветром на дворе,
Хотя тех танцев нет в помине –
Его спилили в декабре.

Танцует дерево, при этом
Шаль красную взметает ввысь,
Все в жарком треске кастаньетном...
Мгновение – остановись!

Остановись же, в самом деле,
Пока нам хорошо вдвоем.
Еще мы вместе. Овцы целы
И волки сыты под окном!

2.

Какая сладкая истома –
Быть преданным женой и другом.
В нирвану так впадает кома,
А кто унижен и поруган,

Мечтает, водевильно важен,
О том суде, что будет свыше,
Хоть сам виновен точно так же,
А впрочем, может быть, нелишне

Предположить, что даже больше!
Свершилось. Не вернуть обратно.
Но, Боже мой, как это больно...
А больно так, что даже сладко.

3.

Ты нашла того, с кем проще,
С кем комфортней, без страстей,
Мне оставив ветер в роще,
Неухоженных друзей,

Посиделки до рассвета,
Разговоры о стихах,
И всех девушек на свете,
И всю водку в кабаках.

И за это все в итоге
Ты взяла лишь двадцать лет,
И еще совсем немного,
То, чему названья нет,

То, о чем лишь ветер в роще...
То, чего ни ржа, ни тлен
Больше не коснутся, в общем –
Равноценен сей обмен.

4.

Пой, утлая свирель, страдай, как я страдал!
Плачь в тишине полночной, как я плакал,
В пучине бед я плыл, как Хейердал
На тростниковом корабле... Однако

Ты астматически пищишь, едва дыша.
Ведь спеть про жизнь мою – что выпить море.
Куда тебе, древесная душа,
Сыграть мое возвышенное горе!

5. Ода дивану

Скрипи, мой диван, подо мною,
Рыдай, как разбитый рыдван,
Пускай под рессорной дугою
Мелькает дорожный бурьян.

Несись в полуночных просторах,
Пружинами всеми звеня,
Пусть сонмище снов, словно свора
Собак, провожает меня.

Лети, мой диван, невесомо
И в ночь уноси седока
От улицы прочь и от дома,
Где сердце сдавила тоска,

Где с милой, с которой делили
Мы счастье земное и кров,
В быту, как в бою, пристрелили
Невечную нашу любовь.

Рыдай же над нами утробно.
Ты тоже, на ножках кривых,
Тому Боливару подобно,
Не вынесешь больше двоих.

6.

Слегка на дурака похожий,
А может, лишь косивший под...
Он, как в чужом саду, в прихожей
Сорвал незрелой кепки плод

И вышел в ночь, где злые звезды
В пар изо рта вонзались, как
Опилки в бороду, и воздух
Свежо покалывал в висках.

И оказалось, как ни странно,
Мучительней всего не боль
Разверзшейся душевной раны,
Не дом, что обратился в ноль,

А самым трудным оказалось
Для жизни новый смысл найти,
Чего и близко не касалась
Душа на пройденном пути.

7.

Какой там муж?! Тебе был все же брат я,
И то не старший. Что же с брата брать-то?
Я сам тебя толкнул в его объятия,
Сам от себя тебя и оттолкнул.
Ведь невозможно (и ЕЖу понятно)
Терпеть круглогодично мой загул.

Но я скажу, тебя не предавая,
Свой опыт разве что передавая,
Ты – очень умная, передовая,
Продвинутая, в смысле, но жена,
Не крепкий тыл, скорей – передовая,
В том смысле, что передний край – война!

Будь ложе пухом всем, кого в отставку
Отправили. Приму судьбы поправку,
Но и о вас я тоже знаю правду,
И, перспективы видя наперед,
Я даже не желаю делать ставку,
Кто первый все ж из вас кого пожрет.

Вы стоите друг друга. Я – не стою!
Нисколько из себя сейчас не строю.
Я если что-то из песка построю,
Получится не замок, а шалаш,
В нем будет не до рая с дорогою.
Чего ж судить практичный выбор ваш?!

8. Бартер

Прошу я, не будь столь сурова
К моей несуразной мольбе:
Проголки отдай в Комарове,
Коль это не нужно тебе.

Отдай мой восторг суетливый
И дрожь в неумелых руках,
Верни камыши у залива,
И тот поцелуй в камышах,

И листик озябший капустный,
Что хрумкали мы пополам,
И даже то первое чувство...
Зачем тебе весь этот хлам?

А я из него забодяжу
Лекарственный вар и уже
Тем клейстером густо замажу
Сквозящие щели в душе.

9.

Однажды в ту жизнь, что прожита,
Из нынешних дней, на беду,
Как в зеркало заднего вида,
Взглянул я на полном ходу.

А скорость такая, что уши
Закладывало на ветру.
Я правило жизни нарушил,
Уйдя за сплошную черту.

И стекла посыпались градом,
Бумагой сложился металл.
Я близких, кто был со мной рядом,
В тот самый момент потерял.

Куда и зачем теперь мчаться?
И как начинать что-то вновь?
Так просто убить свое счастье,
Вчерашнюю вспомнив любовь.

10. Фотография

Любитель ковыряться в старых ранах,
Я постоянно думаю о том,
Что ты живешь лишь только в узких рамках
Багетной рамки над столом...

На фоне синей Воронцовской дачи,
Напротив Петергофского шоссе
Стоишь, морщинки горестные пряча
в косметику от Ив Роше...

А рядышком – смешная раскоряка,
Язык мне предъявляя, как билет,
Так кротко улыбается собака...
Которой тоже больше нет...

Нет-нет, ты не покончила с собою,
Ты вновь жена и любящая мать.
Со мною ты покончила, со мною,
Полнее мне не срифмовать...

С тех пор ты есть лишь в рамках желтой рамки...
А та, кто ищет жизни без проблем,
Кто с выгодой из дамы вышла в дамки,
Всех обманув... не ты совсем.

11.

Осторожный снежок
Незаметно щекочет ресницы,
Голубой порошок
Все не может никак приземлиться.

Перья сыплются с крыл,
Словно ангел едва не разбился
Или кто-то открыл
Сотни пудрениц – скрыть наши лица.

Относительно скрыл –
Не видать ничего даже в метре...
Относительно крыл...
Заживут еще – ангел бессмертен.

* * *

Когда я пью флакончик целый
Раствора для протирки плат,
Заткнись, провизор обалделый,
Молчи, седой гомеопат.

Я с перепоею не ослепну.
Что метанол, когда внутри
Изъели сердце злые слепни,
Покрыли душу волдыри.

Уйди, медбрат, повелеваю,
И не закусывай губу.
Я просто душу промываю,
Дезинфицирую судьбу!

* * *

Не был я скандалистом, шарлатаном и хулиганом,
Потому что всегда жалел всех, даже хозяев жизни.
Жизнь любил, и, сверяя стихи

по лучшим лекалам,

Загнал насмерть трех «жигулей»,
и написал четыре книжки.

Я не входил вместо дикого зверя в клетку,
И в себе зверя чувствовал только

среди одноклеточных,

Семь раз рубил с плеча,

на восьмой, сверяясь с рулеткой,

Понимал, что мерить уже все одно нечего.

Моя ладонь не превращалась в кулак,
Я умел только в пальцах сжимать перо.

И, конечно же, прожил совсем не так,

Как бы мог прожить, но кто знает про

То, что было бы, если бы да кабы?

Потому не жалею,

не зову

не плачу

и не раскатываю губы!

* * *

Геннадию Григорьеву

Когда, приехав к Гене,
Я застаю рассвет,
Мой полупьяный гений
Мне говорит: «Привет!»

С трудом он может взяться
За рюмку и салат.
Маслята глаз слезятся,
И пальчики дрожат.

Он в стоптанных бахилах
И в гриве бакенбард,
Но ум пропить не в силах,
Как промотать миллиард.

Ему читаешь строчку,
А он вдруг из нее,
Как нитку из сорочки,
Прочь выдернет гнилье.

В квартире станет тесно
От шуток и реприз,
Когда напьемся честно
До положенья риз.

* * *

Мне изменяет память, как жена.
Не помню дат, не помню имена.
Но что есть я без этих нужных знаний –
Род без герба или без цвета знамя?
Когда-то я наивно полагал,
Что человек есть то, что он узнал.
Но я забыл, когда родился Тютчев,
Как звали Свидригайлова, где лучше
Поставить запятую, написать
Легко могу «корову» через «ять».
Хоть раньше не могло о том быть речи,
Я забываю даже части речи,
Но не перестаю собою быть,
И дальше жить, и эту жизнь любить.
Так значит, я не просто сумма знаний,
Наверно, так неравнозначно зданье
Пошедшим на постройку кирпичам,
А этот стих – пошедшим на создание
Его трем длинным зимним вечерам...

* * *

Уходит сад в нездешние миры,
Уходит в измерения иные,
Здесь оставляя рубища коры
И черных сучьев посохи кривые.

Как будто слет юродивых прошел
И грудой пригласительных билетов
Опавшая листва устлала пол,
А сами делегаты в небе где-то...

Я, как завхоз, в заброшенном ДК,
Впотьмах хожу-брожу по гардеробу,
Куда повесить брошенную робу?
Куда пристроить плащ без номерка?

* * *

Читателя, советчика, врача,
На лестнице колючей разговора б!
Осип Мандельштам

Когда читатель и советчик,
Не говоря уж про врача,
По лестнице колючей в вечность
Уходят, дружно хохоча;

Когда все вызывает рвоту,
Когда, как сонная змея,
Твоя строка вполоборота
Глядит недобро на тебя,

Знай – ремесло земное выжить
Важней искусства падать вниз.
Не паникуй, как Боря Рыжий,
Как Башлачев, не суетись.

* * *

Кто были до вас, вам теперь не пример!
Вы «рулите» нынче и «жжете»,
Но рифму забыв и «забив» на размер,
Откуда вы отклика ждете?

Не чувствуя даже намек на табу,
Не ведая норм и запретов,
Швыряя пустые слова в пустоту,
Какого вы ждете ответа?

Живя без цензуры, редактора, без
Потребности рукопись править,
Читателя вашего сами себе
Способны хотя бы представить?

* * *

Я не умею убеждать,
И в страстных спорах
Не удастся побеждать,
Посеяв споры*

Идей в умах индифферент-
ных оппонентов,
Под громкий аккомпанемент
Аплодисментов.

Но мне знакома сила слов
Вне всякой моды,
Когда строка поверх голов
В народ уходит.

Я гласных звуков стебли гнул,
Мял шелк согласных!
Так что мне недовольных гул
И несогласных?

* Семена бесцветковых растений.

* * *

Сам в себе одиноко живу,
Одинокое делаю дело,
И никто никогда наяву
Не пройдет в мою душу сквозь тело.

То пространство не делят вдвоем,
Что покровом кончается кожным.
Одноместное тело мое
Пилотирую, сколько возможно.

Из костей, сухожилий, пружин –
Оптимально к себе приспособлен,
Навсегда ото всех обособлен...
Проживаю пожизненно жизнь.

* * *

Распоясалась боль,
Череп мой опоясывая.
Как в короне король,
Я под нею приплясываю.

Мне спокойные сны
В эту ночь не обломаются.
Мякоть яблок глазных
Выдает бессонница.

Не стенаю: «Доколь?!»,
Сколько б зубы ни стучали,
Знаю, боль эта – ноль,
По сравнению с муками,

Что по смерти дано
Мыкать за прегрешения.
Наслаждаюсь давно
Я таким утешением.

* * *

Я наконец-то принял эту жизнь,
По крайней мере, на сегодня точно.
Мне интересно, взбалтывая джин,
Неспешно подливать шипящий тоник;

Мне интересно слушать о стихах
Сужденья начинающих поэтов,
Спор с ними об огрехах и грехах...
Сегодня интересно даже это.

Я тих, уравновешен и умен,
Внимателен и в меру восприимчив.
Мной смысл жизни крепко уяснен
И к моему призванию привинчен.

Меня не раздражает мой живот,
Мой вид и неумение держаться...
.....
Пусть автор сам себе немного лжет,
Хотя б в стихах он может притворяться!

* * *

Уюта хочется душе,
Чтоб коньячок был и буше,
Чтоб друг, сидящий за столом,
Сверкал, как лысиной, умом.
Но, говорят, полезен ей
Не теплый дом и не хоккей.
Нет, ей полезны, говорят,
Лесоповалы, а не сад.
А также для нее полезны
Тиран, цензура, строй железный.

Так принимай, душа, что есть,
И радуйся, что есть что есть.

* * *

В воздух весенний до дрожи, до изнеможенья
Тополя запах добавлен, чтоб мы не пропали.
Так одорируют в целях обнаружения
Газы, для жизни опасные, типа пропана.

Выйдешь, вдохнешь,
и без памяти бросишься в детство,
Вынырнешь в Мельничном где-то Ручье, куда летом
Ездил с детсадом, подумать – назад тому лет сто
Или полста, ведь ни то не представить, ни это.

Нет, ничего от мальчишки того не осталось.
Я равнодушен к жукам в коробке и к ирискам.
Что же так душу сосет?.. Только самая малость –
Воздух, приблизивший детство,
как линзою, близко.

* * *

Я в детстве на витрине увидал
Янтарный, плодоносный стан гитары.
Так в пушкинском «Руслане» испытал
«Природный финн» Наины гордой чары.

Она тогда такой имела вид,
Была столь недоступна и желанна,
Как на картине Лапченко сидит
Застигнутая старцами Сусанна.

Будь я постарше, к музе б стал взывать:
«Гляди, сестра твоя родная» или
В подобном роде, но тогда дышать
Вблизи витрины не хватало силы.

Забыв про все, я на гитару мог
Смотреть часами, на морозе стоя,
Но мать, страданьям подведя итог,
Сказала: «Денег нету на пустое».

Потом в моих руках бывал «Орфей»,
Была «Кремона», даже «Стратокастер»,
Но только ту, за тридцать шесть рублей,
Я вспоминаю, не скрывая страсти.

* * *

Для прочих неприметно,
А все же на виду
Гуляю, слепки с ветра
Снимаю на ходу.

Апологет безделья,
Слов коллекционер,
Как шпалы, впечатленья
Кладу в один размер.

Беру мотив попроще,
Ну, вроде: тру-ту-ту,
Токарничаю, в общем,
Шлифую пустоту.

И карандаш слюнявлю,
Как будто нет забот.
Как землю, заселяю
Глухонемой блокнот,

Пока необитаем
Архипелаг листа,
Сюжет непроницаем,
Хоть фабула проста.

Дышу густым настоем
Небес, дерев, травы,
На красоту настроив
Радарчик головы.

16 июля

В утренний сад выхожу,
и сливаюсь немедля с природой,
И, повстречав слизняка, что моей очарован смородой,

Я говорю на ему незнакомом наречии: «Здравствуй!»
Он мне кивает на листик зеленый –
мол, тоже участвуй.

Злая кукушка короткую мне посвящает речушку.
Ампула с кровью моей отлетит комаром на речушку.

Там она вскормит собою две тысячи
маленьких принцев,
Или, точнее сказать, пару тысяч хитиновых шприцев,

Чтоб в двухсоттысячный раз
повторить процедуру прививки,
Призванной нас защитить от зимы,
как от кори и свинки.

Что же поделатъ, снега,
как и старость и смерть, – неизбежны,
Как бы врачи наши ни были б с нами мудры
и прилежны.

Что ж за сознание такое,
ведь вышел я в сад без печали?!
Что же тогда о слиянье с природой похвастал
в начале?

* * *

Небо к людям повернуто боком,
Дождь потопом грозит, ной не ной,
А на дачном ковчеге убогом
Запирается старенький Ной.

Литр спирта в пластмассовой таре
Он на борт свой скрипучий берет,
Тот ему каждой твари по паре
Натурально воспроизведет.

И когда, полумертвый от вахты,
Ной прибудет к горе Арарат,
То спасется с ним каждый пернатый,
Каждый зверь, насекомое, гад.

Выйдет он поутру к перевалу
И дыхнет... Станет ясно тогда,
Что и вправду во рту ночевали
Разномастных животных стада.

* * *

Плащ из полипропилена
Дню ненастному под стать...
С тополиного трамплина
Листья учатся летать.

Зонтик чуткою мембраной,
Дождь в размер пытаюсь вбить,
Будет с дробью барабанной
Надо мной гнездовье вить.

Все в природе повторится,
Даже чудеса, когда
Перестанет капать, литься,
Станет ломкою вода.

А пока асфальт как будто
В упаковке блистера.
Наше будущее мутно,
Даль бесхозна, близь сера.

Остов банки майонезной
В лужу подтолкну носком...
День проходит бесполезный,
Как мороженщик с лотком.

* * *

Ошпаренная мечется рябина,
Сочится мятный холод из щелей.
Течет мой дом (так тонет субмарина),
В октябрь погружаясь все быстреей.

Что тут попишешь – Приозерск не Сочи,
Не греет плед, не укрывает кров.
Осталось дров на три-четыре ночи,
Свечей осталось на пяток стихов.

И я б из этой добровольной ссылки
Давно по шпалам убежал в чем был,
Да светофор рябины у развилки
Переходить дорогу запретил.

* * *

Народ бредет к ларьку со станции,
Проходит мимо электричка.
Попробуй, опиши-ка стансами
Всю эту жизнь, что так безлика.

Дитя запихивает пряники
В себя, как фарширует утку.
Мат перематывают пьяницы,
Как бесконечную катушку.

Здесь жизнь ключом бьет по затылочку,
Года уходят, как в воронку.
Мужик разбил вина бутылочку,
Его дружок отвел в сторонку

И друга кулаком воспитывает.
А тяжкий русский дух «Анапы»
Толпа в себя покорно впитывает,
Бесстрастна к участи растяпы.

Мне жаль, но на правах художника
Добавлю серого в палитру
И нарисую в сетке дождика
Бомжа, бубнящего молитву.

Его псалом напомнит – все мы ложь,
Не только забубенный пьяница,
Но и кто ради строчки пялится
На этот ранний, хмурый Всеволожск.

* * *

Почти полгода не пишу стихов,
Истосковался без ночных трудов.

И я уже стал думать наконец:
Меня не хочет больше знать Творец.

Лист в клеточку... Сквозь голубые прутья
Решетки школьной призываю: «Гут я!

Просунь хоть мысль, хоть образ, как подачку», –
Так узник ждет от близких передачу.

Но, на засовы скрепок заперта,
Молчит тюрьма тетрадного листа.

И я молчу сто семьдесят два дня.
Доколе ждать? Освободи меня!

* * *

Тучи, точно пазлы, трутся кромками,
Небо заслонив собой стык в стык.
Ветер на березе галку комкает,
Словно неудачный черновик.

Золота в природе девальвация,
На крови кленовый буйный торг
Вызывает если не овации,
То какой-то неземной восторг.

Все уже исчислено и взвешено,
И оплачен каждый летний день.
Царство Валтасара гибнет бешено,
Радостно сходя в седую тень.

* * *

Дай мне, осень, зацепку,
Дай хотя бы предлог –
Все цвета и всю лепку
Превращу в двадцать строк.

Не подарок, не фору,
А хотя бы намек
На стремление к декору,
На листвы огонек.

Но серея сыреют
Под окном тополя,
И не флагами реют, –
Мокнут кипой белья.

Ясень в грязных пеленках,
Дуб одет в секунд хенд.
Как напишешь о кленах,
Если красок в них нет?

Нелады с позолотой?
Дай хоть охру и ржу,
Дай же, осень, хоть что-то,
А уж я опишу!

Моя словесность

1.

Меня интересует не сюжет,
Не повороты, не изгибы фразы,
Не даже сочность образная – нет,
Она в душе не вызывает спазмы.

Я не ценю прозрачность высоко,
Ни четкость мысли, ни афористичность,
Весомо сказано или легко,
Не важен юмор мне и артистичность.

Мне нужен тектонический накал,
Чтоб регистрировать по слуху баллы,
Сейсмически опасная строка,
Подземный гул и гласных колебанье.

Не яркий колорит, не антураж,
А чтоб басы звучали очень низко,
Чтоб ритмом занимался каротаж*,
Чтоб строфика сливалась с геофизикой.

Фонетика, движение пород,
Не просто мишура аллитераций –
Мне интересен звуков тайный ход
И недр языковых вибрации.

* Исследование горных пород в буровых скважинах.

2.

Уже мне в слове мало света,
Мне в слове тьма нужна, балласт,
Чтоб он тащил на дно пиита,
Чтоб на обычный, белый лист

Тень набегала от шедевра,
Чтоб звук не звонок был, а глух.
Чтобы дыханье минотавра
Неясно слышалось в углах.

Не легковесность, а словесность –
Пускай по швам трещат борта,
А радость творчества и ясность
Оставлю Агнии Барто.

* * *

Я читал Комарова – живет в Петербурге поэт,
Не один, но один из... но, в общем-то, я не об этом.
Не о том, что ни денег, ни даже известности нет,
Что на нынешний день
срам крошечный считается поэтом.

Не об этом скорблю, а о том, что эпоха, как тать,
Повязала нас спящих, без лишнего шума и крику,
Что, пока поколение мое научилось писать,
Мой народ разучился читать
все, что пишется в рифму.

Так живут среди прочих людей лучших слов мастера,
По инерции делая дивное, редкое дело.
Словно живы гроссмейстеры, но позабыта игра,
Словно мозг еще жив, ну, а тело уже охладело.

Что ж нам делать в стране,
где не слышен совсем Комаров?
Голос лучших поэтов слабей комариного писка!
Нужно всех нас убить показательно:
лишь через кровь,
Может, злая история нас и внесет в свои списки.

* * *

Когда-то Державин расстроился,
Сказав гениально о том,
Что все медным тазом накроется,
А лира пожрется жерлом.

И предостерег нас по-доброму,
Что все обращается в прах.
Потомок, сродни археологу,
Найдет нас в глубоких пластах.

А что мы оставим для вечности
Читателям новых эпох? –
Обломанных рифм наконецники
Да ржавые лезвия строк.

* * *

«Облако волочит тень по полю,
Словно перебитое крыло...» –
Написал я, а теперь не вспомню,
Как мне это в голову пришло.

Сам ли я набрел на строчки эти,
Или у народа одолжил?
Может быть, у классика приметил
Иль у современника стащил?

Что ж такого? Кто не повторялся?
Вроде бы пустяк, да вот беда:
От раздумий этих стих сломался
И стихом не станет никогда.

* * *

Какой мне смысл за Заболоцким
И Пастернаком прорицать:
Не спи, не спи, забудь о плотском,
Душа обязана летать!

Пусть до этих истин позже,
Чем надо, сам я дохожу,
Но, тем не менее, о том же
Я все ж по-своему скажу:

Пусть ты и мал, и слаб, и беден,
Но для себя же будь к себе,
Как слепень, зол, как муха, вреден,
Не уступай ни в чем судьбе.

Будь терпеливою личинкой,
Что, затаившись в толще вод,
В себе крылатую начинку
Всем существом осознает.

Трудись как проклятый и много
Свобод себе не позволяй,
Достигни своего имаго*,
Достигнув – не боясь, взлетай.

Когда поймешь, что ты всего лишь
В иные времена транзит –
Духовно-нравственный гистолиз**
Все для тебя преобразит.

* Окончательная стадия индивидуального развития животных.

** Процесс саморазрушения личиночных тканей организма.

* * *

Снег фарфоровое поле
Упакует в пенопласт,
Чтоб суставчатой соломе
Не сломаться, не пропасть

Плоским листьям, узким травам
И хрустальному жнивью
В этом мире антикварном,
Где запасами живут

Краснолапые полевки,
Землеройки и кроты,
Хоть за ними филин ловкий
Наблюдает с высоты.

Тишина тонка, как спица,
И давно без задних ног
Сладко ящерицам спится,
Сон кузнечиков глубок.

Спит фарфоровое поле –
Круглый матовый плафон.
Каждый колос обезболен,
Каждый стебель защищен.

Из НОВОЙ КНИГИ 2015 г.

* * *

Вышла вечером во дворик баба Лиза
Отдохнуть маленько от домашних дел.
Только булочку достала голубям, как вибровывоз
В расписной ее авоське зазудел.

Аккуратно донеся трубу до уха,
Баба Лиза говорит, вникая в суть:
«Яйца красить будем завтра, шелуху неси от лука,
И про импортные дрожжи не забудь».

В остальном, наверно, к пасхе я готова,
А куда, скажи, Семеныч наш исчез?
Я vkontakt ему писала – результата никакого,
Ты пошли ему, Петровна, SMS».

Опыт

Славе удалили гланды,
В ночь под Новый Год,
За окном растут гирлянды,
И салют цветет.

Сохнет рот, но можно только
Влажный бинт сосать.
Так от крови в горле горько –
Невозможно спать.

Он к стеклу прижался носом,
Глаз не отвести.
Руки сини, ноги босы,
Господи, прости.

Он тихоня, не проказник,
Чей-то внук и сын
Будет первый в жизни праздник
Проводить один.

За окном смешки и топот,
Вспышки и пальба.
Это самый ценный опыт,
Слава, у тебя!

Старая история

Они пересеклись и сразу пресекли
Все связи старые, решив, что найден ракурс
С которого на жизнь полов, как ни смотри,
Все кажется загадочно-прекрасным.

Они прожили так наверное лет семь
Про чувства вечные промеж себя толкуя,
Пока не охладел к постели он совсем,
Пока не встретила она любовь другую.

Куда же делось все? Кто с крыльев сдул пыльцу?
Никто из них теперь совместно не летает.
Нам это разрешить, увы, не по плечу.
Не спрашивай, мой друг, никто о том не знает.

* * *

Когда меня позвали Вы
К себе на ужин в воскресенье,
Поведав, грузди каковы,
И вкусноты какой варенье,

Я, хоть неслабый кулинар,
Но отказался бы едва ли,
Пусть даже в супнице столяр-
ный клей Вы б нынче подавали.

* * *

Дом не готов был к нашему приезду,
Незапертый, скулил из всех щелей.
И все же принял, просушил одежду,
Являя много радостных вещей:

Дрова нам дали жар, а снег дал воду,
Лучина свет дарила кочевой,
Спирт телу дал негибкую свободу,
А тело телу – не скажу чего.

Крепчал мороз, мрак исподволь сгущался
К луне тянулся хоботок дымка.
В ночи светился дом – шкатулка счастья,
Коробочка уюта без замка.

Удивления

Как ты удивилась, когда я взлетел
На несколько метров усилием воли.
Я видел, как лоб твой упрямый вспотел
И пальцы в смятении сжались до боли.

И я удивился такой слепоте:
Мной не заинтересоваться, покуда
Я не развлеку тебя по простоте
Смешной демонстрацией глупого чуда.

* * *

С. К.

Не целовал тебя – дышал
Твоим испуганным дыханьем.
Был этот миг ничтожно мал,
Как перед страшным расставаньем.

Не целовал – скорее пил
Прозрачный голос твой однажды.
И был почти неутолим
Огонь той жаркой, жадной жажды.

Ловил твой рот открытым ртом,
И губы с мукой мне давались.
Кто скажет, что мы целовались,
Тот ничего не смыслит в том.

* * *

С. К.

Страх потерять тебя сильней любви к тебе,
Страх потерять тебя, сильней любви к себе.
Не быть с тобой, в тебе, в твоей судьбе
Кошмарнее, чем Фауст в сапоге!

Но этот страх чудесней всех чудес,
Что было бы со мною страха без?
Страх потерять тебя, наверное, и есть
Прекрасней, милая, всего, что было здесь.

* * *

Пока я тебя клеил и строил догадки,
Как разбить твое сердце за пару недель,
Ты меня уложила на обе лопатки
Как мальчишку в постель.

Я-то думал, что я, как любовник коварный
Искушен и ретив.
А на деле я был лишь вагончик товарный,
А не локомотив.

Расскажите теперь мне про смену обличий,
Растолкуйте сердец покорителю, как
Грациозно охотник стал легкой добычей
В умных, нежных руках.

* * *

Все было как всегда. Друзья ушли.
Светало, солнца зимний кислый плод
Семян своих по кухне раскрошил.
Ногтем царапал небо самолет.

Стаканчик полный аспирин-упсы
Шипел змеей и к горлу подступал.
Приемник лез на стену от попсы,
Хоть, в общем-то, всю жизнь на ней торчал.

Безвкусный, словно пицца на пару
День начинался. Капала вода.
Все было как всегда, я повторяю.
Практически все было как всегда.

И все же был в пространстве некий сбой,
Какой-то сдвиг в основах бытия...
Я наконец-то счеты свел с собой –
Я наконец-то смог жить без тебя.

* * *

Эти пьяные объятия,
И застолья до утра,
Обстановочка свинячья,
Вялых мыслей мошкара,

Словно бой прошел – повисли
Ключья дыма вкривь и вкось.
Всюду стреляные гильзы
Обожженных папирос.

Край стола, как край окопа...
Сидя встретили зарю.
И щекочет ветвь укропа
Хлюпающую ноздрю.

* * *

Как ты дрожишь, кладя себя на плаху
Любви, которой даже и не знаешь,
И по утрам, надев его рубаху
Ему приносишь с булочками кофе.

Что ж, может это все того и стоит,
Но я открою маленькую тайну —
Все трын-трава, котенок, все пустое,
Тебя не любят... только вождедеют.

Но все-таки, пусть ты мне не поверишь,
Скажу я, что и этого немало.
Поймешь, когда немного постареешь,
Когда, что характерно,
будет поздно.

* * *

Откуда мы только ни ждали удара,
И были готовы к сраженью, увы,
Нас продали оптом, почти что задаром.
Красивая рыба сгнила с головы.

А мы ведь жалели убогих, патлатых,
Теперь они рвут по живому страну.
Так может их мало сажали в 30-х,
И плохо лечили их в 70-х...
Теперь не стояли на самом краю?

* * *

Хорошо войти в метель
Не спеша, почти на ошупь.
Справа еле видно ель,
Слева ствол березы тощей.

Выйду снежною порой
Из натопленного дома
Клубы пара, как в парной –
Бархатная глаукома.

Хорошо издалека
Мысль обсасывать, как льдинку:
Говорят, что смерть легка
Под метельную сурдинку.

Впрочем разве это смерть
В ледяном застыть каркасе
Смерть – согреться, смерть – суметь
Вдруг оттаять в одночасье.

Парадокс... А там, вдали
Дома печь гудит, как улей.
Не пойму - гуляю ли?
К суициду подхожу ли?

* * *

Аквариума умное стекло
Являет нам глаза печальной рыбы,
Которые тоской заволкло –
Она подозревает, что Карибы,

Откуда привезли ее икрой
Ей сроду не увидеть. В укоризне
Висит, воды набравши в рот, и корм
Увы, замена всякой личной жизни.

Публичной рыбе счастья не дано,
Но суть не в том. Жить в заданном объеме
В шар вписанной быть... в куб... не все ль равно,
Вот участь страшная, и это шуток кроме.

* * *

Часы застучали слепого
За размышленьем ровно в пять.
Ох, лучше б в пять минут шестого
Им бы не тИкать, а тикАть!

Слепой сварил часы в кастрюле,
Оставшись, как глухой в тиши,
Так уравнение Бернулли²
Больной пытался разрешить.

Теперь к пространству полон злости
Над горьким супом плакал он,
Помешивая стрелок кости,
Хлебая времени бульон.

² Уравнение Бернулли связывает скорость и давление в потоке идеальной несжимаемой жидкости при установившемся течении.

* * *

Вмонтировали в крест Христа,
Его живым хребтом хрустя.

Его к кресту затем прибили,
Чтоб всех прибитых мы любили.

А также тех, кто недобит,
Забит, забыт или убит.

Вложили каждому под платье
Сложнейший механизм распятья.

Приборчик сей изобрели
Я повторяю, для любви,

Но он эффектней, чем мортира
Помог завоевать полмира.

* * *

День без света – какой это мизер,
Для меня же не так он и мал.
Остывает, как труп телевизор,
Но при этом смердеть перестал.

Сдохло радио – кончились «Вести»,
Нет на свете дурных новостей.
Разорвались глобальные сети
И компьютер не ловит мышей.

Нет звонков от друзей и с работы,
Сел мобильник, как в камеру вор.
Сколько ж было ненужной заботы
В шумной жизни моей до сих пор.

Только книги остались. Такое
Ощущенье что мир чище стал.
Электричество, как же родное
От тебя я смертельно устал.

* * *

Все в мире просто – только в этом
Есть самая большая сложность.
Мир лишь загадкой жив, секретом,
Молчанием и даже ложью.

Ведь что не скрыто – то банально,
Не интересно, что известно.
Все безнадежно, что не тайно
Элементарно, глупо, пресно!

Вот почему науки тщетны.
Раскрывшись, рано или поздно
Теряют волшебство предметы,
Стихи, и женщины, и звезды.

* * *

Тобой недовольно начальство,
Тебе в магазине хамят,
Но все-таки ты не печалься,
Что девы тебя не хотят.

Ведь где-то на дальней планете
За сотни веков световых
Поют твои песенки дети
И взрослые чтят каждый стих.

Ну, если не чтят, то читают,
И в том сомневаться – ни-ни!
Твой творческий путь изучают
Детально в солидных НИИ.

Не веришь подобным известьям?
А зря, ведь в реальности их
Ты мертвый уже лет как двести,
Казненный за эти стихи.

* * *

Я знал троих: один был жуткий хват,
Качал права, со всеми спорил часто,
Дугой было слаб, ни в чем не виноват,
И ни к чему на свете непричастен.

А третий был не то чтобы герой,
Но мог отдать последнюю рубашку,
И ради ближнего рискнуть собой,
Способен был, когда бывало тяжко.

Как сложен человек... Я знал троих,
Но с одного написан сей триптих.

* * *

На помойке остывают книжки
Сиротливой стопкой за бачком:
Горький с Фетом, Федин, Пушкин, Пришвин,
В куче «люди, годы, жизнь». «Разгром»!

Их недавно холили на полках,
Нежно пыль сдували с корешков.
А потом решили – нет с них толку,
И как тех есенинских щенков

Сунули в большой мешок без дрожи
И избавились в конце времен.
Ну кому сейчас потребен Дрожжин,
Это тот, который Спиридон?!

Снег неторопливо засыпает
Слово воплоти, бесценный «дар».
В третий раз идет на дно Чапаев,
В третий раз сгорает Жанна д Арк.

Ну конечно, все есть в Интернете,
Книжкам цифровым потерян счет.
Только никогда никто на свете
Так как мы их больше не прочтет.

* * *

Художник кисть о холст небрежно трет,
Как перед дверью ноги вытирает.
Звонок — ему немедля открывает
Картину, как квартиру, хитрый Черт.

Себя Художник скромно там ведет.
Он только гость в картине, не хозяин,
Осматривает с трепетом дизайн
И с Чертом по бокалу крови пьет.

Момент прощанья настает, и вот
Художник прочь выходит, долго щурится,
Покамест не оденется натурщица
И драпировку не снесут в комод.

К вопросу о защите русского языка

Да, в древности знавали власть
Реченных слов, а наши чада
Латиницей марают власть
Лифты, подъезды и фасады.

Ну почему, в конце концов,
Мы на английском помешались,
Когда на языке богов
Друг с другом пращуры общались?

У них ведь даже части тел
Звучат как!.. Посудите сами —
Ведь предок наш устами ел,
Зеницами глядел, перстами

Пот утирал с чела, с ланит.
Сейчас он был бы инороден
Меж нами, как метеорит
Средь корнеплодов в огороде.

Понятно, что они — не мы,
А мы лишь слабое подобье.
Во тьме мы, как сомы, немые,
Глазеем грустно исподлобья.

Слова одалживая у
Романских языков, германских,
Мы бессловеснее Муму,
И молчаливей, чем Герасим

Вот почему мы все в долгах,
Вот почему больны, недобры.
«Мы погибоша, аки обры»,
В чужих растаяв языках.

Молодость

Бликует пластмасса подводных очков,
Резиновой шапочки складки,
Как полная луза бальярдных шаров
Тугие блестящие плавки,

Кирпичики мускулов на животе,
Широкие вздернуты плечи.
Он в этом бассейне, как рыба в воде
Свободен, силен и беспечен.

Секунда — и тело свое зашвырнет
В зеленую хлорную мякоть,
А мне, приоткрывшему варежкой рот,
От зависти хочется плакать.

Крепость Карела в Приозерске

Вуоксы дикой спесь,
Да Ладожский разлив.
Когда-то предки здесь
Еловый лес свалив

И рвы вокруг нарыв
Твердыню возвели,
И крепость, как нарыв
Бугрится из земли.

Во мгле сырых годин
Здесь Рюрик умирал,
Здесь Новгород один
За русских отвечал,

Здесь шведы били нас,
И шведов били мы!
Лампады свет не гас
Среди чухонской тьмы.

И пугачевских жен
Всю жизнь гноили здесь,
И декабристов стон
Хранит окрестный лес.

Нет больше эполет,
Лишь пара муляжей
Мортир петровских лет
Вход стерегут в музей.

Ров сильно обмелел,
Детинец мхом порос,
Но помнит щебет стрел
Любой стены откос.

Карела в полный рост
Смеется небесам,
Как фига прямо в нос
Заносчивым векам.

* * *

Пой, хоть время прекратится,
Пой, на то ты и певица,
Пой, душа, тебя простят.

Арсений Тарковский

Стих свежий, как порез,
Хоть лет ему немало,
Без дураков и без
Малейшего обмана.

Он сделан без гвоздей,
Почти как церковь в Кижках.
Такой живет скорей
В сознание, а не в книжках.

И если не прощен
Ты за него Всевышним,
То нам какой резон
Писать все, что мы пишем?!

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ» 1989 г. Раздел первый «СОСТАВЛЯЮЩАЯ РОКА»

Вещи...	3
«Поставил Баха. Сел на стул в углу...».	5
Старый художник..	6
Портрет..	7
«Шопен, разгул январской вьюги...».	9
«Из окон вид простой...».	10
Филармония..	11
Целикаури..	12
«Классический образ — на лавочке кот...».	14
«За стариком ходила глухота...».	15
«Пора бы подумать о Боге...».	16
«Грузили ветром паруса...».	17
«О, замолчи, проклятый Бах...».	18
«Меня толкнет машина в бок...».	19
«Вот женщина идет к реке...».	20
«На уровне тонкого среза...».	21
На улице..	23
«Под Брестом август... и жара такая...».	24
Женщина..	25
«В мурашках кожа апельсина...».	27
«Оглух не сразу Людвиг ван Бетховен...».	28
Врубелевский пан..	29
I. «Пока, кряхтя, мы носим на горбах...».	30
II. «Я помню дом стареющий с крыльцом...».	31

Раздел второй «ПРЕВЫШЕ МУЗЫКИ»

«Всю жизнь не жить и не дышать...»	32
Стих..	33
«Мне надлежит и жить, и умереть...»	34
«На обмолот мы возим слово...»	35
«Я тайком от домашних засяду...»	36
«Шрифты набирают наборщики...»	37
«Как трудно в чаду и неволе...»	38
«Писать как жить, не думать ни о чем...»	39
«Четвероногая строфа...»	40
Кувшин..	41
«Аист, что ангел, взлетел в небеса...»	42
«Размеров правильных немного, не считай...»	43

Раздел третий «ДЕТСКАЯ ТЕТРАДЬ»

«Лето кончилось, пузатый паучок...»	44
Комар..	45
Гимн вороне..	46
«В Теплом Стане бор сосновый...»	47
«Утром лужи подмерзли...»	48
Бабушка болеет..	49
I. «Вот и выпал первый снег...»	50
II. «Я свинья! Меня не будет дома...»	52
«В сыне моем прорастают слова...»	53

Раздел четвертый «ПЕЙЗАЖИ»

I. «Осень сохнет и желтеет...»	54
II. «Дым от выцветших костров...»	54
III. «До корней замерзший, крайне...»	55
IV. «А зима совсем иная...»	56
V. «Воздух мягкий и сырой...»	57
Вариация	58
Ленинградская весна..	61
«С утра еще февраль, ни дать ни взять...»	63
Таврический парк на просушке ранней весной	64
«На солнце выгоревший день...»	65
«У сиреновой сирени...»	67
Огород.	68
«Друг сказал, опершись о плечо...»	70
«Весь сад освистан и осмеян...»	71
Двое на эстонском пляже (<i>зарисовка</i>)	72
Рисунок..	74
«Деревья выкрашены хной...»	75
«...А первый снег, колючий, мелкий...»	76
«Голый сад. Голоса...»	77

Из книги «КАМУШКИ ВО РТУ» 1993 г. Раздел первый «ГОТОВАЛЬНЯ СУДЬБЫ»

«Прислушайся, какое слово — “жить”...»	78
Фехтовальщики..	79
«Все мои униженья навек остаются во мне...»	80
Деревянные духовые	81

Часы...	82
«Авиатор сидит в чебуречной...»	83
«Дал течь аквариум, но жители его...»	85
«Что тайна бытия сокрыта...»	87
«Где был затон с осокою, там дом...»	88
Асфальт..	89
из цикла “ХЕРСОНЕС”	
I. «Медузы жидкое стекло...»	90
II. «Эвксинский понт...»	91
III. «Хруст гальки и волны...»	92
IV. Херсонес..	92
V. «Краб щекотно бежит по ночной простыне...»	94
«Дуб, словно болт...»	95
Пригороды. 1941 год	96
«К прилавку фруктов на таран...»	97
«Я наблюдал скандал глухонемых...»	98
Ночной смотр	99
I. «Театра сальный, рваный купол...»	101
II. «Тритон пожирает червя...»	102
Муха..	104

Раздел второй «ЛЕЙТМОТИВ»

Гавань	105
«...Но композитор Карл Черни...»	106
«В ту зиму я подолгу наблюдал...»	108
Мимоза	110
Смольный собор	111
«Параболу чертит комета...»	112
«Гудит, жужжит, из кожи лезет полдень...»	113

Кактус	114
Державин	115
Федорино горе	116
«Наплел с три короба паук...»	117
«Май занят качанием прав...»	118
Жук	119
Кузнечик..	120
«Сплю до часу, на завтрак не встать...»	121
Упавшее яблоко	122
«И бог богов, великий громовержец...»	123
«Словно ворот, рву фрамугу...»	124

Раздел третий “СУТКИ ЧЕРЕЗ ТРОЕ”

Сторож	125
«Как сладко сумраком дышать...».	126
«Негромко говорить о жизни...»	127
«Ах, строчку б заново начать...»	128
«Абстинентный синдром, головою об стенку...»	129
«Из-под темных бровей взгляд тяжел...»	130
Конец мая	131
«Светает. Воздух нем как рыба...»	133
«Афина Паллада стоит против солнца...»	134
«Чем неустроенней душа...»	135
Завтрак аристократа	136
«Я вспоминаю, что я много думал...»	137
«Стихи ушли, осталась проза...»	138
Ночная вахтерша	139
Пост № 243	140

«Насквозь промываемый ветром лесок...» . . .	142
«...И вот тогда приходит проза...»	143

**Из книги «СОТРЯСЕНИЕ ВОЗДУХА» 1989 г.
Раздел первый «СОТРЯСЕНИЕ МОЗГА»**

«Постольку, поскольку стихи в голове...» . . .	144
«Застань себя за кружкой чая...»	145
«Мне снилась музыка, я спал...»	146
После чтения эзотерической литературы	147
Русская грусть	148
Атаманский мостик	149
«Сойду с ума, как сходит капитан...»	150
Клин клином	151
«Я спросил его: “По что ты все пьешь...”» . . .	152
«Зайдем в пропащий кафетерий...»	153
Сонет	154
«В квартире, словно в скорлупе...»	155
«Безумна в душе кутерьма...».	156
Размолвка	157
«Просыпаюсь намеренно рано...».	158
«Мне сегодня сын наврал...».	159
«Возможно долго жить...»	160
«Фильмы ли смотрел, читал ли...»	161
из «ПЯТИ СТИХОТВОРЕНИЙ О БОРИСЕ, БЕЗ ПРЕУВЕЛИЧЕНИЙ, НО С ПРИКРАСАМИ»:	
II. «Изгибы пляжа повторяет чайка...»	162
III. «Волна волну пережидает...»	163

Раздел второй «СОТРЯСЕНИЕ ДУХА»

«Ночью алкаш поскользнулся...»	164
У церкви Богоявления на Гутуевском острове . .	165
«Запил стеклянный глаз водой...»	166
«Пену с кружки сдувает мужик...»	167
«Утро раннее, а из подвальца...»	168
Кровь	170
«Ребенок числами играет...».	171
Сентиментальный экскурс.	172
«Бог землю населил людьми...».	173
«Иногда самые обычные и простые вещи...» . .	174
Советский герб..	175
«Старик у ивовых кустов...»	176
«Бульдозер, словно бультерьер...».	177
«Ребенок, впавший в нарциссизм...».	178
«Жесток наш мир и бездуховен...»	179
Швея	180
На крыше	181

Раздел третий «СОТРЯСЕНИЕ ВОЗДУХА»

«Вновь керосинка ждет меня...»	182
«Какая тишь, когда с утра...»	183
«Гражданский стих, припудренный, мучной...» .	184
«Биография поэта...»	185
«Прививка мистикой: апокрифы, потом...». .	186

I. «Потолка бетонный купол...»	187
II. «Ус пожевав свой немножко...»	188
«Под Псковом осень, словно под...»	189
В голове	191
Слабый стих	192
«Как ни крути — Сократ был голова! ...» . .	193
Достоевский в 1879 году.	194
«Смотреть на мир, не видя соответствий...» . .	195
«Как шикарно поэт пропадает...».	196
«Хлебнул — и рукавом по подбородку...» . . .	197
«Велик язык, которым я дышу...»	198
«Когда я с пером и тетрадкой...».	199
Чистая филология	201

Раздел четвертый «ВВЕДЕНИЕ В ЭНТОМОЛОГИЮ»

«На золотой шесток присела стрекоза...»	202
Насекомые	203
«Букву «Ц» дробит цикада,...»	205
Превращение	206
«Где червь прокладывает кабель...».	207
«Огонь, как гребенка, проходит сквозь стог...» . .	208
«Проснулась бабочка... жизнь началась...» . .	209
Экскаватор	210
«У меня под плинтусом живет...»	211
Муравейник	212
«Мне известны привычки стрекоз...».	213

Раздел пятый «МГНОВЕНИЕ ОКА»

«Созерцайте вершины деревьев...»	214
«И вновь провинция глухая...»	215
Клен	216
«Бледный ангел цветов полевых...»	217
Сорняк	218
Под Рощино	219
На даче...	220
«Диплодок тепловоза...»	221
«Такой мороз влупил в тот год...»	222
«Январский суетный снежок...»	223
«Брандмауэр... лишь два окна вверху...».	224
«Зимой этой умер старый дуб...».	225
Сова	226
Мягкий отказ от рифм	227
26 апреля	228
10 мая	229
«Медленно в собственном плаваясь соку...»	230
Комаровские прогулки (<i>поэма</i>)	231

Из книги «ВОЗДУШНЫЕ КОРИДОРЫ» 2011 г.

«А снег не выпал и на Рождество...»	240
«Мне долго ангелы шептали...»	241
К 33-летию	242
«Мои стихи из сора не растут...»	244
«Не знаю, как на самом деле нужно...»	245

«Пришел с обидой в Божий храм...»	246
Причины смерти	247
Баня	248
«Ворона конструирует гнездо...»	249
1 апреля	250
Вербное воскресенье	251
7 мая	252
31 мая	253
«Словно крот, дирижабль копает под тучей...»	254
Луга	255
У рекламы кока-колы	257
2009	258
«Они живут в стране, страной...»	259
Белый шум	260
«Течет ручеек муравьев по коре...»	261
«Он попрошайничал открыто...»	262
«Ты хочешь, чтобы по заслугам?...»	263
«Как было страну полюбить тяжело...»	264
«Кто стер население с целого материка...»	265
Немного о любви	
1. «Он сидел на скамеечке в парке ...»	266
2. «В общем-то, ничего особенного ...»	267
Плацкарт	268
Дачное	269
Осень	270
«Битый час под дождиком отвесным...»	271
«Февраль на улице Большой Пороховской...»	272
«Раньше каждым поступком меня...»	273

Одиннадцать прощальных стихов Е. Ж.	
1. «Танцует дерево в камине»	274
2. «Какая сладкая истома...»	275
3. «Ты нашла того, с кем проще...»	276
4. «Пой, углая свирель, страдай, как я страдал!..»	277
5. Ода дивану	278
6. «Слегка на дурака похожий...»	279
7. «Какой там муж?! Тебе был все же брат я...»	280
8. Бартер	281
9. «Однажды в ту жизнь, что прожита...»	282
10. Фотография	283
11. «Осторожный снежок...»	284
«Когда я пью флакончик целый...»	285
«Не был я скандалистом, шарлатаном ...»	286
«Когда, приехав к Гене...»	287
«Все меньше сил уходит на писание...»	279
«Мне изменяет память, как жена...»	288
«Уходит сад в нездешние миры...»	289
«Когда читатель и советчик...»	290
«Кто были до вас, вам теперь не пример...»	291
«Я не умею убеждать...»	292
«Сам в себе одиноко живу...»	293
«Распоясалась боль...»	294
«Я наконец-то принял эту жизнь...»	295
«Уюта хочется душе...»	296
«В воздух весенний до дрожи, до изнеможенья...»	297
«Мой солдат оловянный...»	298
«Вот... посеял ключи...»	299
«Я в детстве на витрине увидел...»	300

«Для прочих неприметно...»	301
16 июля	302
«Небо к людям повернуто боком...»	303
«Плащ из полипропилена...»	304
«Ошпаренная мечется рябина...»	305
«Народ бредет к ларьку со станции...»	306
«Почти полгода не пишу стихов...»	307
«Тучи, точно пазлы, трутся кромками...»	308
«Дай мне, осень, зацепку...»	309
Моя словесность	
1. Меня интересует не сюжет...»	310
2. Уже мне в слове мало света...»	311
«Я читал Комарова...»	312
«Когда-то Державин расстроился...»	313
«Облако волочит тень по полю...»	314
«Какой мне смысл за Заболоцким...»	315
«Снег фарфоровое поле...»	317

Из НОВОЙ КНИГИ 2015 г.

«Вышла вечером во дворик баба Лиза...»	318
Опыт	319
Старая история.	320
«Когда меня позвали Вы...»	321
«Дом не готов был к нашему приезду...»	322
Удивления	323
«Не целовал тебя – дышал...»	324
«Страх потерять тебя сильней любви к тебе...»	325

«Пока я тебя клеил и строил догадки ...»	326
«Все было как всегда. Друзья ушли ...»	327
«Эти пьяные объятья...»	328
«Как ты дрожишь, кладя себя на плаху...»	329
«Откуда мы только ни ждали удара...»	330
«Читаю стихи, и ничто мне не радует глаз...»	331
«Хорошо войти в метель...»	332
«Аквариума умное стекло...»	333
«Часы застучали слепого...»	334
«Вмонтировали в крест Христа...»	335
«День без света – какой это мизер...»	336
«Все в мире просто – только в этом...»	337
«Тобой недовольно начальство...»	338
«Я знал троих: один был жуткий хват ...»	339
«На помойке остывают книжки...»	340
«Художник кисть о холст небрежно трет...»	341
К вопросу о защите русского языка	342
Молодость	344
Крепость Карела в Приозерске	345
«Стих свежий, как порез...»	347

Формат 70x100 1/32. Гарнитура Times New Roman
Печ. листов 22,5. Печать офсетная. Тираж 700 экз.

Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета

В типографии ООО «Контраст»

192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 38